

Б Е Л Л А Я

БЕЛЛА

КОЛЛЕКЦИЯ РОМАНОВ О ЖИЗНИ

Annotation

Белая пума притаилась на заснеженном склоне горы. Под ней по узкому ущелью скачут двое всадников с ружьями. Хищник следит за ними немигающим взглядом. Он знает их. Эти двое убили его мать и сестру и теперь выслеживают его самого. Но он не желает быть добычей: он станет охотником, а двуногие существа — его жертвами.

- [ПУМА](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
-

ПУМА

(Felis concolor)

Некогда пума, известная также под названиями горный лев и кугуар, считалась самым распространенным млекопитающим в Западном полушарии. Ныне представители этого резко сократившегося рода семейства кошачьих населяют лишь западные районы Канады и США, а также некоторые области Южной Америки. Шерсть взрослых особей может иметь оттенок от рыжевато-бурого до серого, но встречаются и пумы с желтоватым и красноватым окрасом. Белые пумы крайне редки.

Глава 1

Пума истекала кровью. Хромая, она добрела до пещеры, пересекла открытое пространство, где царил полумрак, и протиснулась в расщелину, начинавшуюся на высоте нескольких метров от каменного пола пещеры. Кровавые следы выдавали ее убежище, но она знала, что главное — оказаться в расщелине. Там она будет в безопасности.

Пума распласталась и поползла в темноту. Расщелина уходила вверх и через сорок метров заворачивала вправо, откуда начинался короткий просторный туннель. Здесь пума остановилась, чтобы зализать на левом бедре рану от ружейной пули калибра 30.06. Живильные вещества в ее слюне остановили кровотечение, и она продолжила путь к уютной глубокой нише в конце туннеля. Добравшись до места, пума легла, рыча от боли, и вновь принялась лизывать больную ногу.

К пещере, где укрылась пума мчались пять гончих. Они то и дело скользили на каменистых осыпях, которыми были усеяны склоны пика Игл — покрытой снежной шапкой вершины Хейзелтонских гор в провинции Британская Колумбия. Следом за возбужденной сворой едва поспевали два всадника. Скакавший первым крупный мужчина сорока с небольшим лет нещадно хлестал своего вороного мерина.

Лошади изо всех сил старались угодить седокам, они фыркали и храпели, спотыкаясь на коварных осыпях, но вороной, несмотря на удары плеткой, ненамного опережал своего пегого с белой гривой товарища, которого вряд ли можно было назвать резвым скакуном. Оставив охотников далеко позади, гончие вскоре затерялись в зарослях хвойных деревьев.

Хозяин вороного, Уолтер Таггарт, побагровевший от изнуряющей скачки, натянул поводья и повернулся к своему спутнику.

— Верхом мы поспеваем за псами не быстрее, чем на своих двоих. Давай-ка лучше привяжем лошадей и пойдем пешком. Точно, я подстрелил ту кошку. С пулей тридцатого калибра она далеко не уйдет

Стив Казинс, худощавый мужчина лет тридцати пяти, похоже, был только рад спешиться. Из уголка его рта свешивалась самокрукта,

разговорчивостью он не отличался и потому лишь кивнул в ответ напарнику, затягивая поводья на стволе молодой березки.

Мужчины вытащили ружья из чехлов, притороченных к седлам, и только начали преодолевать подъем, как собаки залаяли особенно громко и азартно.

— Есть! — почти закричал Таггарт, его лицо просияло. — Клянусь, мы загнали ее!

Охотники зашагали быстрее, карабкаясь по осыпям, цепляясь за молодые деревца и кусты. Чем выше они взбирались, тем громче звучал лай собак.

Казинс первым заметил кровь, алевшую пятнами на большом участке каменистого, поросшего травой склона. Очевидно, зверь находился именно здесь, когда его настигла пуля Таггарта.

— Вот это выстрел! — похвалил себя Таггарт. — С двухсот метров... да еще в гору. Видать, сильно кошку зацепило. Теперь уж мы ее поймаем. Это как пить дать!

— Если не будем чесать языками, стоя на одном месте, — отозвался Казинс.

До пещеры они добрались через двадцать минут. Оба обливались потом после тяжелого подъема под июньским солнцем. Гончие кружили возле расщелины, в которой спряталась пума.

Когда охотники увидели расщелину и поняли, что раненый зверь просто-напросто растерзает собак одну за другой, если те полезут в узкий проход, их разочарование сменилось яростью. Таггарт, громко выругавшись, пнул одну из гончих. Та полетела кувырком.

Казинс, тоже обозленный на кошку, снял ружье с предохранителя, подошел к расщелине, и, просунув дуло в темноту, дважды спустил курок. В просторной пещере выстрелы отозвались приглушенными хлопками. Пума вскочила на ноги, и из залитой раны вновь хлынула кровь.

Таггарт и Казинс работали охотниками-проводниками у Эндрю Белла, поставщика крупных животных, разбившего свою базу в долине между вершинами хребта Телкуа в Хейзелтонских горах. Несколько деревянных домиков стояли на юго-восточном берегу озера Муэскин-Джонни, километрах в пятнадцати от неприступного убежища пумы. Бизнес, заключающийся в обслуживании состоятельных клиентов из разных стран, готовых платить большие деньги за удовольствие

поохотиться на хищников, приносил хороший доход, хотя охотничий сезон длился всего несколько недель в осеннюю пору. В остальное время Эндрю Белл принимал на своей базе любителей рыбной ловли. Клиентов встречали в аэропорту города Смитерс, в сорока километрах к северо-востоку от озера Муэскин-Джонни, и на самолете перевозили на «Горное сафари» — так именовалось предприятие Белла.

Если некого было водить на охоту, Таггарт с Казинсом чинили катера, ухаживали за лошадьми, коих в конюшне лагеря насчитывалось целых пятнадцать, и пили виски за счет «пилигримов» — клиентов Белла, — одновременно развлекая их охотничьими байками. Когда они видели, что какой-нибудь гость не прочь заняться браконьерством, они соблазняли его заманчивым предложением, обещая за определенный гонорар добыть ценного хищника. Шкура, обращенная в мягкий коврик перед камином, и голова, прикрепленная к полированной дощечке над очагом, пусть это и незаконные трофеи, служат ярким доказательством охотничьей доблести их владельца.

На второй неделе июня, похваляясь перед биржевым маклером из Нью-Йорка. Таггарт упомянул, что неподалеку от горы Игл видел пуму. Хоть сейчас и не сезон, объяснил он, больших кошек в этом районе отстреливать не запрещено.

— Ведь они такие паразиты, эти кошки. Крадут овец, телят и даже лошадей. Так что вряд ли кто станет поднимать шум, если одну из них накормить свинцом.

Маклер клюнул на наживку и пообещал заплатить Таггарту и Казинсу триста долларов за голову и шкуру зверя, если он окажется крупным. Утром следующего дня маклер отправился на катере ловить радужную форель, а Таггарт и Казинс, прихватив гончих, истосковавшихся по охоте, с первыми проблесками солнца тронулись в горы.

Они проехали до сумерек, но на пуму так ни разу и не вышли. Второй день поисков казался почти таким же безрезультатным, когда собаки вдруг вывели охотников на относительно свежие следы, оставленные на песчаном берегу протоки. По следам они определили, что кошка была здесь прошлой ночью и пробиралась на гору. Однако от преследования пришлось отказаться. Было уже слишком темно.

Утром третьего дня, поднимаясь по склону вслед за возбужденными гончими, браконьеры наконец-то обнаружили зверя.

Передними мелькнуло рыжевато-бурое туловище с длинным хвостом, в следующую секунду исчезнувшее за стволами хвойных деревьев. Охотники припустили вверх по склону, яростно прищпоривая коней, пока те не выбились из сил, вынудив всадников спешиться.

Таггарт всмотрелся в заросли, и ему вдруг почудилось, будто в кустах что-то шевелится. Он схватил ружье и едва успел зарядить патрон, как пума вышла на открытое пространство. Внимание зверя было приковано к стремительно приближавшимся гончим, от которых пуму отделяло не более ста метров. Сбитая с толку, она застыла на месте под углом в сорок пять градусов к Таггарту — рыжевато-бурая статуя на фоне зелени и серого камня.

В следующее мгновение в бедро пумы вонзилась пуля с наконечником из мягкого металла, посланная со скоростью более шестисот метров в секунду. Она прошла навывлет, не задев кости, но масса ее ударной энергии была столь велика — более тонны, — что пума потеряла равновесие, развернувшись от толчка на все триста шестьдесят градусов. Однако пока Таггарт извлекал из ружья пустую гильзу кошка вскочила на ноги и стрелой понеслась к своему неприступному логову.

Посадив гончих на привязь, Таггарт и Казинс покинули пещеру и стали разрабатывать план. Затем Казинс оседлал своего пегого коня и отправился в «Горное сафари» за большим капканом, цепью, тяжелыми заборными скобами и топором. Прикрепив все эти приспособления к седельным ремням, во второй половине дня он вернулся к пещере. Браконьеры принялись за работу. По очереди орудуя топором, они повалили ель, потом отрубили от ствола кусок длиной в шесть метров и очистили его от веток.

Кряхтя от напряжения, они втащили бревно в пещеру, положили его в трех метрах от расщелины и обмотали посередине одним концом цепи. Последние четыре звена цепи они прикрепили к бревну скобами, и второй конец крепко привязали к капкану. Не без труда разжав топором острые зубья капкана, они зарядили мощный спусковой механизм.

После Таггарт осторожно установил капкан в полутора метрах перед расщелиной, а Казинс прикрыл ловушку еловыми лапами. Если пума спрыгнет на центральный круглый поддон, челюсти капкана автоматически захлопнутся на ее ноге.

Пленник, угодивший в капкан, не мог высвободиться из зубатых челюстей, а привязанное к ловушке цепью бревно, служившее стопором, при каждом рывке обезумевшей жертвы дергалось, сжимая кусачие тиски. Подобным образом Таггарт и Казинс охотились на барибалов и гризли. Они были уверены, что пума окажется в западне, если ступит на опасный поддон.

Рыжевато-бурой пуме было три года, и однажды она уже пострадала от человека. Увечье, сохранившееся маленьким клеймом на левом ухе, она получила в юности, когда вместе с сестрой сопровождала мать на охоте. Рана оказалась не очень болезненной, но она тогда сильно испугалась. События того ужасного дня никогда не сотрутся из ее памяти.

Осенью ранним вечером пумы выслеживали в горной долине стареющего лесного карибу. Ориентируясь по запаху, мать вела дочерей вниз по склону и вскоре увидела добычу. Она начала подкрадываться к оленю и вдруг рухнула на землю. Долей секунды позже ее дочери услышали ружейный выстрел, и младшая из них тоже упала. Оставшаяся в живых почувствовала жжение на ухе и метнулась прочь. Вслед ей гремели выстрелы, но она уже во всю прыть мчалась с горы.

Напуганная и растерянная, юная пума добежала до склона, где под сенью вечнозеленых деревьев, нашла приют между двумя огромными каменными глыбами, образовавшими узкую пещеру. Следующие два дня она лежала в своем логове, дрожа от страха и не в силах осознать, куда же исчезли ее мать и сестра. Потом голод вынудил ее покинуть убежище.

Впервые в жизни юной пуме предстояло самостоятельно позаботиться о пропитании. Прежде пищу всегда добывала мать, уча своим примером дочерей, которым пока удавалось ловить лишь мышей и иногда сурков.

Пуме было девять месяцев. Вместе с хвостом длина ее тела достигала полутора метров, весила пума тридцать килограммов — вдвое меньше любого из своих взрослых сородичей.

Неслышно ступая, она пробиралась по лесу в быстро сгущавшихся сумерках и не догадывалась о том, как мало шансов выжить у осиротевшего детеныша. Стае волков не составит труда

справиться с ней, а попадись она гризли, он убьет ее, если она не успеет убежать.

Но, будучи животным, а не человеком, которому свойственно рассуждать о будущем, пума не задумывалась об опасностях и испытаниях, ожидавших ее впереди. Как любой дикий зверь, она жила настоящим и не была подвержена тревогам. Она полностью сосредоточилась на поисках пищи.

После часа бесплодной охоты пума наконец-то умудрилась поймать, несколько белоногих хомячков — скудный ужин, проглотив который она лишь сильнее ощутила голод. Но вскоре удача ей улыбнулась. Она учуяла койота. Запах был едва различим, но вполне осязаем для ее острого нюха.

Пума притаилась за поваленным деревом — припала к земле и сгруппировалась. Готовая прыгнуть в любой момент, пума застыла на месте, словно каменная. Через несколько минут до нее донеслись первые звуки приближавшейся добычи.

Запах усилился. Едва сдерживая свое нетерпение, пума напряглась, мышцы ее задних ног вздулись. Она наострила уши, взгляд янтарных глаз был прикован к темной тропе. Пума с усилием заставила себя ждать.

Койот бежал вприпрыжку и не подозревал о поджидавшем его хищнике, потому что легкий ветерок дул ему в спину. Неожиданно в двенадцати метрах от засады его чуткий нос уловил близость врага. Но убежать он не успел. Одним прыжком пума преодолела пятиметровое расстояние, крупными передними лапами коснулась земли и в ту же секунду опять бросилась вперед. Она ударила койота, от внезапного толчка он отлетел к высокой ели, но к этому времени койот уже был мертв: пума перебила ему шею.

Кошка подошла к своей жертве и взяла ее в зубы. Койот весил шестнадцать килограммов, но она без труда перенесла его к поваленному дереву, возле которого устроила засаду. Там пума начала есть. Проглотив три-четыре килограмма мяса, она тщательно вылизала себя и завалила остатки пищи листьями, ветками и трухой, которыми была устлана земля, затем побрела прочь, выискивая поблизости укромный уголок, в котором она намеревалась отлежаться до нового приступа голода.

Убив в одиночку койота, юная пума обрела уверенность в своих охотничьих способностях. Теперь она могла занять свое место в горном лесу.

Два с половиной года спустя пума повзрослела, стала опытной охотницей, и в ее жизни впервые наступил брачный период. Беспокойная, она покинула свою территорию и отправилась на поиски самца, оглашая горы пронзительным тоскливым воем. Апрель был на исходе.

Через пять дней пума ступила во владения крупного самца. О том, что хозяин где-то рядом, она определила по небольшим пахучим насыпям из лесного мусора и камней, которые пумы сооружают над своими испражнениями, помечая границы своих территорий. Обнюхав одну из таких меток, пума вскинула голову и разразилась душераздирающим воплем.

Самец, находившийся метрах в восьмистах от нее, мгновенно устремился на ее зов. В двухстах метрах от гостьи он оцетинил усы и завыл, размахивая своим длинным хвостом.

Пума вышла на вой самца из-за груды мшистых камней и, плотно прижав к широкой голове уши, спрыгнула на высокогорный луг, в центре которого лежало небольшое озеро, окаймленное по берегам зарослями осоки, рогоза и папоротника. Здесь запах самца ощущался особенно сильно. У кромки воды пума остановилась и стала жадно пить, потом задрала мокрую морду, широко открыла пасть, обнажив грозные клыки, и опять заревела.

Высоко держа голову с раздувающимися ноздрями, кошка стояла на берегу, не замечая безмолвия, полнившегося страхом, который посеял ее рев. Стих щебет птиц, доселе гомонивших в долине, и даже лягушки-быки не смели басить. Зато вновь повторился тихий рык самца, теперь уже гораздо ближе. Пятью грациозными прыжками пума пересекла луг и ступила в лес.

Они встретились на поляне в полукилometре к западу от высокогорного луга. Самец, величественный зверь около двух с половиной метров длиной и весом девяносто килограммов, стоял на гранитной глыбе. Изнывая от нетерпения, он прыгнул к ней, но пума, вопреки зову собственного естества, оказала ему агрессивный прием. Она зашипела, брызгая слюной, и, яростно размахивая хвостом, угрожающе вскинула правую лапу с выпущенными когтями. Он

ничуть не испугался и приблизился к самке, издавая тихий рык. Пума завизжала и выбросила вперед лапу, намереваясь ударить самца, но тот молниеносно отскочил в сторону, отступил на несколько метров и громко заурчал. Пума повернулась, села на задние лапы и принялась облизывать морду и шею, затем легла, не сводя золотистых глаз со своего будущего супруга, беспокойно кружившего возле нее. Этой позы она не меняла до вечера.

Ночью, при мягком сиянии полной луны, пумы спарились. Их любовная игра сопровождалась визгом и хриплым рычанием. Они оставались вместе десять дней, до тех пор пока какой-то охотник не всадил пулю в голову самца. Беременная пума в это время находилась на некотором удалении от своего несчастного супруга и потому сумела избежать его участи. Ненавистные запахи человека и пороха погнали ее с родной территории. Новое пристанище она нашла в Хейзелтонских горах, в пещере на восточном склоне пика Игл.

Глава 2

По запаху и доносившимся звукам пума определила, что охотники вернулись в пещеру. Страх не позволял ей покинуть расщелину, и она лежала в своем логове — то спала, то зализывала ногу, поврежденную пулей Таггарта. К концу вторых суток рана перестала кровоточить и начала заживать, но пуму мучила жажда. Ей нужна была вода, если она надеялась выжить. Утром третьего дня, приложившись и языком к ране, она обнаружила, что у нее почти не осталось слюны.

Последующие несколько часов пума раз пять поднималась и ковыляла по туннелю, но неизменно возвращалась обратно. К четверем часам дня жажда стала невыносимой. Поначалу прихрамывая, но обретая гибкость и подвижность с каждым шагом, пума преодолела туннель и ступила в узкий лаз. Лил дождь, ветер завывал в деревьях, эхом оглашая пещеру.

Шум грозы поглотил звуки, производимые Таггартом и Казинсом, которые вернулись к пещере. Как и в предыдущий день, отправляясь проверить западню, они взяли с собой лучшую гончую Таггарта. Браконьеры спешили, привязали коней к деревьям и направились к пещере. Собаку вел на поводке Казинс. Пума в это время находилась в шести метрах от выхода из расщелины.

— Если эта сволочь еще не объявилась, значит, она давно сдохла. Без воды столько времени никто не протянет, — сказал Таггарт.

— Может быть, там есть вода. — предположил Казинс, позволяя собаке первой вбежать в сумрачную пещеру.

— Эй! Не спускай пса с поводка, — приказал Таггарт. — Еще, не дай Бог, попадет лапой в капкан. — Он сел на корточки перед капканом и правой рукой убрал несколько еловых веток, прикрывавших опасную конструкцию.

Пума, затаившаяся в лазе, не шевелилась — только слушала и принюхивалась. Людей она не видела, но точно знала, где они находится. Пума начала медленно продвигаться вперед. В метре от выхода она остановилась, присела и с глубоким гортанным рыком неожиданно выпрыгнула из расщелины.

Приземляясь на пол пещеры, пума задела какой-то шаткий предмет и чуть оступилась, но мгновенно обрела равновесие и выскочила в проем. Вслед ей донесся душераздирающий вопль Таггарта и возбужденный лай гончей, сорвавшейся с поводка. Пума метнулась влево, к нагромождениям камней и бурелома, но тут ее настигла гончая. Кошка развернулась на бегу, выкидывая вперед огромную правую лапу, когти которой впились в шею собаки. Гончая замертво повалилась на землю, а пума помчалась вверх по склону.

Таггарт кричал и бился в агонии. Казинс судорожно рылся в карманах в поисках зажигалки. Он был так напуган, что, найдя наконец зажигалку, сумел высечь огонь только с четвертого раза. Его взору предстало ужасающее зрелище.

Таггарт извивался на полу пещеры. Его правая рука была зажата в капкане. Железные зубья сомкнулись в нескольких сантиметрах над его запястьем; из раны хлестала кровь. Казинс, с трудом сохраняя самообладание, крикнул Таггарту, чтобы тот не двигался, а сам бросился к своему коню, вытащил из сумки фонарь и аптечку и бегом вернулся в пещеру.

Опустившись на колени возле напарника, Казинс торопливо раскрыл аптечку, взял из нее кусок резиновой трубки и туго перетянул ею руку Таггарта над раной, затем опять выскочил из пещеры за крепкой веткой. Орудяя ею как рычагом, он разжал челюсти капкана и высвободил искалеченную руку. Таггарт к этому времени уже потерял сознание. Казинс подобрал три короткие палки и наложил самодельную шину.

Таггарту срочно требовалась медицинская помощь, но до базы на озере Муэскин-Джонни нужно было добираться более двух часов. Казинс знал, что раненый может умереть в пути: он потерял много крови и находился в состоянии шока. В дополнение ко всему полил сильный дождь и заметно похолодало, все это грозило осложнить состояние раненого.

Казинс подвел коней к пещере, отцепил большую флягу, привязанную к седлу вороного мерина, и, подойдя к Таггарту, плеснул воду на его лицо. Тот со стоном открыл глаза.

— Ты тяжело ранен, Уолт. Я постараюсь посадить тебя на лошадь, но ты должен мне помочь. Договорились?

— Поехали, Стив! — в слабом голосе Таггарта звучала решимость. — Кошка может вернуться в любую минуту, и тогда мне конец.

Казинс поднял товарища и вывел его из пещеры. Они продвигались мучительно медленно, останавливаясь едва ли не на каждом шагу, потому что раненый был не в состоянии идти. Наконец они добрались до вороного мерина. Казинс не без усилий водрузил Таггарта на коня и привязал к седлу. Изувеченная правая рука Таггарта была зафиксирована повязкой на груди. Казинс сел на своего коня и повел вороного вниз по склону.

За время кошмарного путешествия до базы состояние Таггарта резко ухудшилось. Из охотничьего домика раненого самолетом до ставили в больницу Смитерса, где ему оказали неотложную помощь и на санитарном вертолете переправили в Ванкувер. В тот же день Таггарту ампутировали руку почти до локтя.

На следующее утро в «Горное сафари» прибыл капрал Королевской канадской конной полиции, чтобы допросить Стива Казинса. Из Смитерса до озера Муэскин-Джонни полицейский добирался на машине, несколько часов трясясь по узкой ухабистой дороге, заросшей кустарниками.

Он вовсе не обрадовался, когда узнал, что свидетель еще не вернулся с рыбалки, на которую отправился вместе с клиентом, и даже обед из свежей форели, предложенный ему Эндрю Беллом, не развеял его раздражения.

За обедом капрал сообщил Беллу, что Таггарт пока остается в реанимационном отделении.

— Допрашивать его сейчас нельзя, поэтому мы хотели бы поговорить с мистером Казинсом. — объяснил полицейский.

Казинс, как раз вернувшийся с рыбалки, услышал последнюю фразу капрала и вознамерился расспросить его поподробнее о самочувствии своего напарника. Но полицейский его опередил.

— Вы Стивен Казинс? — осведомился он, отодвигаясь от стола. Получив в ответ кивок, он продолжал, придерживаясь сугубо официального тона — Почему вы не сообщили В полицию о случившемся сразу же?

Казинс нахмурился:

— Я думал, вам из больницы позвонили. Я-то с какой стати должен докладывать в полицию?

— Это ваша прямая обязанность. Полиции необходимо докладывать обо всех несчастных случаях. А теперь расскажите, что произошло на той горе? — Капрал вытащил из кармана блокнот с ручкой и приготовился записывать.

— Ну... — Казинс почесал голову. — Дело было так. У Уолта есть кобыла. Она недавно ожеребилась. За два дня до того, как Уолт получил травму, к нему наведальась кошка. Она пыталась выкрасть жеребенка, но собаки Таггарта подняли такой лай, что он выскочил на улицу и пульнул в воровку. Была ночь, но луна светила, и Таггарту показалось, будто он зацепил кошку. Утром он обнаружил кровавые следы, тянувшиеся в гору. Мы решили пойти за кошкой и избавить ее от мучений.

Столь длинная речь была несвойственна для немногословного Казинса. Капрал уловил фальшь в его тоне и построении фраз, будто тот заранее отрепетировал свой рассказ. Было ясно, что Казинс что-то скрывает, и, когда он замолчал, полицейский нетерпеливо взглянул на него.

— А что случилось потом? Мне нужен полный отчет, мистер Казинс. Продолжайте.

Казинс сбивчиво изложил состряпанную на ходу версию. Взяв гончих, вдвоем с Таггартом они отправились по следам. Те привели их на склон горы Игл, где они и заметили пуму. Казинс имел в виду то место, где Таггарт в действительности подстрелил пуму, только теперь он заявил, будто его напарник вновь стрелял в кошку и ранил ее во второй раз. Затем он поведал, как они обнаружили убежище зверя.

Этот рассказ они с Таггартом заранее придумали на тот случай, если их уличат в браконьерстве, но, когда речь зашла о событиях в пещере, Казинс почувствовал себя менее уверенно.

— Мы решили, что эта тварь, скорей всего, умрет в своем логове, но не хотели, чтобы она мучилась, и поставили капкан. Так вот, Уолт как раз проверял его, когда кошка вдруг выскочила непонятно откуда. Она набросилась на Уолта и, я уверен, растерзала бы его, но наша гончая, которую я держал на поводке, вырвалась и кинулась на кошку. Та убила собаку и скрылась.

Капрала не удовлетворили показания свидетеля. Однако, когда допросили Таггарта, тот рассказал полиции почти то же самое. В его версии присутствовали незначительные расхождения с показаниями Казинса, но их отнесли за счет частичного расстройств сознания, вызванного тяжелой травмой. Расследование прекратили.

На следующее утро в ведущей ежедневной газете появилась большая статья под заголовком «Свирепая пума нападает на человека», которую телеграфные агентства мгновенно распространили по всему континенту. Таггарт и Казинс прославились на всю страну и даже за ее пределами. Первого молва окрестила героем, второго — его отважным спасителем.

Эндрю Белл, довольный столь широкой оглаской, повез на самолете телерепортера с бригадой операторов к месту происшествия. Съемки велись во время полета, и на борту звучал хорошо поставленный баритон комментатора:

— Где-то внизу, под нами, прячется коварный хищник, который подстерег Уолтера Таггарта и жестоко искалечил его. Врачам пришлось ампутировать Таггарту правую руку. Мы пролетаем над бескрайними горными просторами, немногие смельчаки, что живут здесь, опасаясь за свои жизни, запирают покрепче двери и держат ружья наготове.

Благополучно вырвавшись из пещеры, раненая пума во весь опор мчалась вверх по склону, стараясь держаться под прикрытием деревьев. Она не могла бежать долго, потому что, как и у всех кошек, у нее была узкая грудь и относительно небольшой объем легких. Через несколько минут она замедлила бег.

Теперь пума брела, страдая от боли, ибо рана вновь открылась и начала кровоточить. Вскоре пума вышла на звериную тропу, пройдя по ней немного, она остановилась и бросила взгляд в сторону пещеры. Убедившись, что охотники ее не преследуют, она продолжила путь и через восемьсот метров вышла к ручью. Пуму утолила жажду, затем обработала рану и подремала урывками, не теряя бдительности.

Спустя час она поднялась и вновь напилась из ручья. Ей хотелось есть, но стремление найти новое убежище возобладало над чувством голода. Она перебралась вброд через лесной ручей и побрела по звериной тропе.

Раненая пума шла весь остаток дня и всю ночь. К утру она отделилась от своих преследователей почти на шестьдесят километров. Сначала она поднялась на вершину Игл и по глубокому снегу перебралась на противоположный склон горы. Спустившись по склону, она набрела на ручей, который вывел ее к перевалу Телкуа и реке Зимец, вдоль которой она прошла еще двадцать пять километров.

Когда восточные пики начали розоветь, пума ступила в большую долину. Тонкое обоняние подсказало ей, что в этой лесистой низине водится много дичи, запаха своих сородичей, которые могли бы помешать ей устроить свое будущее, она не учуяла. Обессиленная, забила в трещину между валунами и проспала там до ночи,

не ведая, какой переполох произвел ее прыжок на волю в царстве людей. Пробудившись, она села и опять принялась изучать звуки и запахи своих новых владений — в одной стороне унюхала барсука, в другой — сурка. Не укрылись от внимания пумы и послания, оставленные ее конкурентами.

Медведи ее не очень беспокоили; они питались главным образом плодами и корнями растений, насекомыми и падалью. Волки были опасными соперниками, но они знали, что отнимать добычу у пумы

рискованно. Зато россомахи, быстрые и сильные, отличались непревзойденной наглостью.

Пума пренебрегла чувством голода и целый час сидела неподвижно, осваиваясь в новой обстановке, и лишь изредка вскидывала переднюю лапу, чтобы смахнуть комаров с морды и ушей. Она не отвлекалась ни на секунду, прекрасно понимая, что ее жизнь зависит от знания окружающей обстановки.

Когда над долиной опустилась ночь, расцветив иссиня-черное небо бесчисленными блесками звезд, пума наконец поднялась и спустилась с камней. Она продвигалась, как обычно, бесшумно, часто останавливалась и вертела головой, принюхиваясь, всматриваясь и вслушиваясь и темноту, запоминая рельеф местности.

Неожиданно сменившийся ветер донес до нее запах чернохвостого оленя. С дрожащими ноздрями она свернула в сторону и крадучись, пошла на вожделенный запах.

Спустя десять минут она увидела добычу. На плоской возвышенности у небольшого ручья, протекавшего между пластов

гранита и полевого шпата, паслись три оленя. Двое из них, упитанные и на вид резвые, стояли у самой воды. Третий, тщедушный и хилый, щипал траву метрах в десяти от них. Он дышал неровно и тяжело.

Припав брюхом к земле, пума беззвучно двинулась по склону холма. За пятнадцать минут она добралась до вершины. Потом, не отрывая взгляда от больного оленка, присела и прыгнула.

Олени возле ручья встрепнулись и метнулись прочь, предупреждая об опасности своего хворого приятеля. Тот повернулся, чтобы пуститься наутек, но пума, приземлившись в трех метрах от него, прыгнула еще раз. Передними лапами хищница нанесла олененку удар и сломала ему шею. Пума перетащила добычу в кусты и утолила голод.

Июль подходил к концу, и беременная пума начала искать логово. До родов оставалось несколько дней, а убежища для детенышей она еще не устроила.

Однажды ранним вечером пума набрела на изумрудное озерцо, которое питали речушки, бравшие начало на горных ледниках. Один из ручьев сбегал по склону остроконечной возвышенности и обрушивался на скалу. Прозрачная вода рассеивалась в воздухе веером тонких струй, падавших с высоты шестидесяти метров в лежавшее внизу озеро.

За пеленой брызг пума разглядела мелькавшие тени. Летучие мыши. Их колонии она иногда встречала в пещерах. Пума немедленно направилась к водопаду, ступая по сухим камням. Спустя некоторое время, преодолев целый ряд больших мшистых валунов, она ощутила мускусный запах, который доносился из каменной полости.

За водопадом пума обнаружила просторную пещеру. В глубине пещеры она увидела небольшую нишу с чашеобразным дном. Это было идеальное логово. На первых порах покатые стенки не позволят котятм выкарабкаться из ниши, да и вход в пещеру, скрытый водопадом, вряд ли привлечет чужое внимание.

Четвертого августа в течение семи часов пума родила троих крошечных котят — двух самочек и самца.

Первым из утробы матери появился самец. Он весил около полукилограмма и в длину, от кончика носа до кончика короткого хвостика, достигал тридцати трех сантиметров. Едва родившись, он ощерился, с шипением разевая и закрывая маленькую пасть. Это

продолжалось до тех пор, пока мать не вылизала его насухо своим шершавым языком, оглашая своды пещеры нежным урчанием.

Она перевернула новорожденного на спинку и, осторожно прижимая его к полу большой лапой, перекусила ему пуповину, затем зализала маленькую ранку и ткнула первенца носом в один из шести налитых молоком сосков.

Котенок вцепился в сосок и не выпустил его изо рта даже тогда, когда у матери вновь начались потуги и она стала рожать второго детеныша — дочь, которая оказалась значительно меньше своего брата. О ней пума тоже позаботилась должным образом, как и о сыне. Пока котята сосали молоко, она произвела на свет еще одну самочку.

Вылизав вторую дочь и подтолкнув ее к соску, пума наконец-то получила возможность отдохнуть. Пушистые комочки копошились у ее живота и издавали чмокающие звуки, они дарили ей неведомое прежде ощущение умиротворения и покоя. Миленькие самочки были покрыты желтовато-коричневым пушком с черно-коричневыми пятнами, похожими на розочки леопарда. Их короткие хвостики обвивали темные колечки, мордочки украшали темные полосы, тянувшиеся от глаз к нижним краям носа. Котик отличался от кошечек цветом. Родимые пятна на туловище, хвосте и мордочке у него были такие же, как у сестер, но сам мех отливал молочной белизной.

Котята закончили первую в своей жизни трапезу и заснули, тесно прижавшись к матери. Пума, утомленная тяжким испытанием, тоже погрузилась в сон.

Глава 3

Первые несколько дней новорожденные котята тихо мяукали, если хотели есть, но большую часть времени спали около матери, а когда та покидала пещеру, чтобы утолить жажду, сворачивались в плотный клубок, ища уюта на ноге или ухе своего соседа. На четвертый день они стали более активными, неуклюже ползали и медленно карабкались друг на друга.

Самым подвижным оказался белый котенок. Он часто подползал к выходу из логова, определяя его местонахождение по прохладному воздуху, проникавшему в нишу из передней части пещеры. Мать неизменно выкидывала лапу и ловила его, затем, спрятав когти, втаскивала детеныша обратно в нишу. На десятый день котята прозрели. Белый самец первым увидел свет. Утром, когда его мать доедала в большой пещере койота, которого они убили и приволокла в свое убежище, он медленно открыл глаза. Он устремил взгляд к проему, на самое яркое место, и им овладело крайнее любопытство.

Покинув сестер, маленький кугуар направился к выходу. Он шел неуверенно, поскольку еще не умел координировать свои движения, но вскоре сообразил, что можно ориентироваться по запаху, оставленному на камне лапами матери. Он шатался, спотыкался, оступался, но упорно карабкался к источнику света. Ему потребовалось семь минут, чтобы преодолеть четыре метра, отделявших логово от короткого туннеля, который вел в главную пещеру.

Балансируя на краю проема, кугуар высунул голову из ниши. Его ослепил яркий луч света и оглушил шум водопада. С испугу он дернулся и, не удержав равновесия, кувырком полетел на дно пещеры, визжа во все горло.

Мать-пума, только что покончившая с койотом, услышала страдальческие вопли своего ребенка и стрелой бросилась на звук. В четыре грациозных прыжка она настигла своего невредимого, но перепуганного сына, утешила его ободряющим урчанием и, взяв в зубы, перенесла в логово.

Котята быстро подрастали и с каждым днем становились все активнее. В начале сентября, когда им исполнилось пять недель, белый

кугуар весил уже три килограмма, на полкило больше каждой из своих сестер. Он был не только самым крупным из детенышей, но и самым неуправляемым и проявлял завидное бесстрашие. Едва мать уходила куда-нибудь, он тут же принимался обследовать большую пещеру, прекрасно усвоив, что в ее присутствии не следует выбираться из логова, потому что она немедленно с позором водворит его назад.

Однажды рано утром пума принесла в логово скелет оленя, чтобы котята поточили свои прорезавшиеся зубки. Заняв детенышей, она отправилась на поиски нового убежища.

Котята целый час, урча от удовольствия, лизали и грызли кости. После самочки заснули, а их братик решил отправиться на разведку. В то утро, завороженный радужной игрой брызг, которые переливались на солнце, проникавшем в пещеру сквозь туман, он набрался храбрости и пошел на свет. Он пробирался медленно, крадучись, прижимая уши к низко пригнутой голове, и все это время не сводил глаз с цели своего путешествия. Наконец он выпрямил ноги, поднял голову и прямо-таки прыгнул к выходу, жмурясь от яркого солнца. Его обдало брызгами. Котенок отскочил с громким воплем и агрессивно зашипел.

Ретировавшись на безопасное расстояние, он продолжил свои исследования. Котенок облизнулся, впервые в жизни пробуя на вкус воду. Она ему понравилась. Ободренный, он опять двинулся вперед и на этот раз, когда брызги посыпались на него, не остановился, а стал играть, ловя лапой капли. Он продвигался все дальше. И вдруг, впервые в жизни, оказался вне пещеры.

Деревья, водопад, озеро, величественные горы в снежных шапках, ослепительное солнце и огромное синее небо образовывали впечатляющую панораму, которая поначалу полностью завладела его вниманием. Потом до него донесся мелодичный клич пестрогрудой овсянки. Он стал прислушиваться, мотая головой, и наконец увидел птенца — пухлую птичку с коричневым оперением, сидевшую на пихте.

Наблюдая за поющей птицей, котенок осознал, что ощущает запахи овсянки, почвы, воды, каких-то животных и еще множество других. Это все были незнакомые ароматы, которые он не мог определить. Растерянный, он сполз с камня и помчался назад в пещеру, где

оставался до возвращения матери, объявившейся только во второй половине дня.

Пума нашла новое логово в одиннадцати километрах от водопада. и решила перенести туда детенышей в тот же день. Пещера находилась в западной части Хейзелтонских гор, у слияния рек Зимец и Каньон-Крик, на склоне, усеянном трещинами и валунами, среди которых котята всегда сумеют спрятаться, если медведю или вол-ку вздумается напасть на них. Образовавшаяся в результате обвала пещера являла собой идеальное убежище. К ней прилегал большой оползневый участок, выстланный щебнем и каменными глыбами, откуда открывался прекрасный вид на раскинувшуюся виду местность.

В логове у водопада пума вылизала дочерей, потом взяла зубами за шкуру сына и покинула пещеру. Котенок, привычный к подобному обращению, висел спокойно — не визжал и не брыкался. Через час он был доставлен в новое логово, где пума выпустила его из пасти и облизала. Затем она угрожающе фыркнула на сына. Напуганный, тот забился в дальний угол пещеры. Пума не стала задерживаться. Не мешкая, она отправилась за меньшей из дочерей. К ночи ее три котенка были устроены в новом жилище.

К третьей неделе сентября белый котенок весил четыре с половиной килограмма, а его сестры — по три с половиной. Хвосты у них вытянулись, пятна тускнели. На белоснежном самце они почти полностью стерлись, только на мордочке и хвосте оставались еще темные отметины.

Маленький кугуар однажды уже выследил и поймал красную белку, а его сестрички ловили мышей и полевок, которые стали чаще покидать свои норы с наступлением осени, преобразившей дику природу. Лиственные деревья постепенно одевались в восхитительней нежный багрянец, иголки лиственниц желтели. Медведи и птицы лакомились поздними плодами ирги, медвежьей ягоды и бузины.

Однажды ранним вечером, вскоре после того, как мать-пума отправилась на охоту, трое котят выскочили из пещеры и, резвясь, помчались вниз по склону к зарослям медвежьей ягоды, росшей вокруг валунов и поваленных деревьев. Мелкие красные бусины зазывно атели на фоне зеленых листиков. Котята крадучись пробирались по лиственно-ягодному ковру, гонялись за мышами или боролись друг с другом.

Самая маленькая пума, отдалившись от двух других детенышей, драла трухлявую корягу, отковыривая от нее большие влажные щепки. Увлеченная этим занятием, она не заметила, что ее брат с сестрой внезапно куда-то исчезли. Те поспешили скрыться в пещере, потому что белый котенок вдруг учуял резкое зловоние, посеявшее в нем панику.

Маленькая самочка продолжала корябать бревно и вдруг услышала рядом тяжелые, шаркающие шаги. Она повернула голову и увидела черного медведя — огромного тучного зверя, выступившего из-за большого валуна. Она хотела убежать, но не успела. Медведь пнул ее своей могучей лапой, подбросив на два метра вверх. Она кувыркком отлетела на груды камней, при падении сломала позвоночник и ударилась головой. Довольный, что избавился от конкурента, медведь принялся уплетать зрелые плоды.

Часом позже, когда горы окутала почти кромешная тьма, с охоты вернулась пума-мать. На этот раз неожиданность подстерегала медведя.

От подножия возвышенности пума не видела незваного гостя, но чувствовала и слышала его. Под прикрытием больших валунов пума начала взбираться по склону — быстро, но бесшумно. Спустя несколько мгновений она уже занимала позицию на камне в девяти метрах над медведем. Напружинившись, она взвилась с валуна.

Медведь не подозревал о присутствии пумы до тех пор, пока над ним не нависла ее подвижная тень — темный силуэт на фоне вечернего неба. С удивительной для его неуклюжей комплекции расторопностью он развернулся мордой к летевшей на него кошке, одновременно поднимаясь на задних лапах. Но было уже поздно.

Передние лапы пумы, распростершей свое туловище в воздухе параллельно земле, врезались ему в грудь. На скорости более пятидесяти километров в час она вложила в удар всю свою мощь. Медведь опрокинулся, едва не сломав себе шею, так как голова его дернулась вперед.

Пума приготовилась к следующему броску, но медведю удалось быстро подняться. Повернувшись задом к ягодной плантации, он затрусил вниз по склону, качаясь, словно пьяный.

Пума отказалась от погони. Убедившись, что медведь покинул ее территорию, она направилась к пещере и вдруг учуяла своего

детеныша. Она повернулась и пошла на запах. Ее искалеченная дочь лежала у одного из валунов. Пума лизнула дочь, когда та не отреагировала на ласку, она осторожно взяла ее в зубы и перенесла в логово.

Там она легла, позволяя двоим другим котяткам покормиться молоком, и продолжала облизывать неподвижное тельце, бережно держа его между передними лапами. Ночью кошечка умерла.

В первых числах октября, перед началом охотничьего сезона, Эндрю Белл вылетел на своей «сессне» в Ванкувер за Уолтером Таггартом. Тот уже вполне оправился, хотя как следует владеть протезом

пока не научился.

Хозяин «Горного сафари» выплатил Таггарту жалованье за все недели, проведенные в больнице, и пообещал оставить за ним прежнее место. Пострадавший был благодарен боссу, но не заблуждался на этот счет, понимая, что его щедрость не имеет ничего общего с альтруизмом благодаря широкой огласке число клиентов Белла в одночасье увеличилось вдвое.

Воспользовавшись столь выгодной ситуацией, Белл немедленно обратился к властям с просьбой позволить ему расширить свои охотничьи угодья и без труда получил лицензию. Ему также разрешили построить на новых землях два охотничьих домика и предоставили исключительное право обеспечивать проводниками любителей охоты в районе площадью сто тысяч квадратных километров. По дороге в Ванкувер Белл размышлял о своих планах на предстоящий охотничий сезон. Он нанял дополнительно шесть проводников и теперь мог обслуживать одновременно шестнадцать клиентов имея с каждого из них по пять тысяч долларов в неделю, за сезон он собирался выручить двести сорок тысяч долларов. К тому же у него уже был полный комплект заявок на следующий семимесячный сезон рыбной ловли. Насвистывая, Эндрю Белл повел "сессн" на посадку. Он чувствовал себя счастливейшим человеком на свете. Двумя часами позже владелец «Горного сафари» вместе с Таггартом вновь поднялся в воздух. Белл ввел своего однорукого работника в курс дела относительно последних событий и показал топографические карты района, в котором располагались новые охотничьи домики, Первый был выстроен на восточном берегу озера Берни, в двадцати четырех

километрах от базы на озере Муэскин-Джонни, второй — на берегу озера Макдонелл, в тридцати четырех километрах К северу от базы

Таггарт ознакомился с картами и, помолчав с минуту, повернулся к Беллу:

— Вы, босс, безусловно, толково все организовали. Однако...где теперь мое место?

Белл задал самолету курс и включил автопилот

— Я решил назначить тебя и Стива главными проводниками. Разумеется, вы получите прибавку к жалованью. И на охоте вы будете сопровождать клиентов, только если случится запарка. Но отныне ваши главные обязанности — руководить остальными работниками, обследовать район на предмет добычи и тому подобное. Очень многие «пилигримы» просят в провожатые именно тебя и Стива. Поэтому я беру с них дополнительно десять процентов за твои услуги и пять процентов за услуги Стива. Вы будете получать треть от этой суммы.

— Неплохо, босс, — не сразу отозвался Таггарт. — Правой руки мне это, конечно, не вернет, но полагаю, вашей вины в том нет.

Уолтер Таггарт нанялся на работу в «Горное сафари» шесть лет назад. Внешне спокойный, по натуре он был злым и раздражительным, и Белл очень скоро раскусил его. Но Таггарт умел сдерживать свой нрав и был отличным проводником. Он прекрасно знал горную местность и как следопыт не имел себе равных. Его клиенты редко уезжали домой без трофеев, и многие из них зачастую повторно обращались к его услугам.

Глава 4

Пока Белл летал в Ванкувер за Таггартом, пума с детенышами отдыхала в неглубокой пещере возле озера Китсегуэкла, прозрачного голубого водоема, всего лишь в девятнадцати километрах к северу от нового охотничьего домика «Горного сафари» на озере Макдонелл. В горах ни люди, ни животные не путешествуют по прямой, поэтому, чтобы добраться до долины, в которой лежало озеро Китсегуэкла, пумам пришлось преодолеть около восьмидесяти километров. Неделий раньше мать-пума вывела своих детенышей из их второго логова и начала обучать науке выживания в горах. Котята к тому времени уже умели ловить мелких животных и птиц, а также находить убежища на деревьях в случае опасности. Но им еще предстояло усвоить немало уроков, и первый из них не замедлил представиться.

Семья кугуаров тронулась в путь вечером и за ночь прошла двадцать пять километров. На рассвете пума завела детенышей в густые заросли хвойных деревьев, где они все вместе проспали целый день. Пробудившись на закате, мать учуяла оленя. Сильный запах разжег в ней чувство голода. Спустя мгновения пума уже была готова начать охоту.

Прежде чем отправиться за добычей, она повернулась к котяткам, немигающим взглядом приказывая им оставаться в укрытии камней. Задрав хвост, она подкрепила свою команду тихим рычанием. Детеныши жалобно замыкали. Они не хотели оставаться одни, но послушаться мать не посмели.

Отойдя на три километра от того места, где ждали ее котята, пума убила чернохвостого оленя. Насытившись, она завалила листьями оставшееся мясо и возвратилась за детенышами.

Горы поглотила ночь, над северными пиками повисла луна. Спустя полчаса после того, как пума зарыла свою добычу, на запах падали пришел барibal. Он разгреб листья, поел, перетащил тушу под высокий кедр, лег рядом и заснул.

Не подозревая о том, что кто-то лакомится плодами ее охоты, пума вернулась к своим отпрыскам, лизнула каждого в знак приветствия,

ласково урча, и повела к тому месту, где припрятала добычу. Когда до заветной цели оставалось около пятисот метров, она учуяла медведя.

На несколько секунд большая кошка замерла, потом повернулась к котяткам и тихо зарычала, подавая сигнал тревоги. Детеныши начали карабкаться на высокую сосну. Пума ждала, неподвижная призрачная тень на фоне размытых очертаний леса, затем осторожно двинулась вперед. Прижимаясь к земле, прячась за кустами и стволами деревьев, она подкралась к медведю и бросилась в атаку.

Барibal проснулся, но, прежде чем он успел оторвать от земли свою косматую голову, кошка передними лапами нанесла ему мощный удар в бок, от которого тот покатился из-под дерева.

Когда медведь стал подниматься, пума вцепилась когтями ему в морду. Ошарашенный, он развернулся и побежал. Пума сделала несколько прыжков, прогоняя непрошеного гостя прочь, затем, удовлетворенная собственной победой, пошла проверять добычу. И вдруг остановилась, столкнувшись со своими детенышами.

Голодные котятка, привлеченные запахом свежего мяса, спустились с дерева, едва услышали возню, и помчались на шум, впервые в жизни позабыв про приказ матери не покидать укрытия до тех пор, пока она не вернется за ними.

Пума сердито зарычала, котятка съежились, понимая, что навлекли на себя гнев матери. Кошка дала каждому по затрещине, те, жалобно взвывая, кувырком отлетели в разные стороны. Но на этом наказание не закончилось. Мать подошла к белому кугуару, взяла его зубами за шкуру и поднесла к ближайшей сосне. Там она опустила котенка на землю и зарычала. Не дожидаясь повторного приказания, малыш быстро вскарабкался на дерево. Самочка последовала примеру брата.

Пума глянула на дерево и, убедившись, что оба котенка расселись на ветках, вернулась к добыче. На глазах у своих голодных детенышей она начала есть, игнорируя их плаксивые причитания. Маленькие кугуары получили еще один урок выживания. Отныне они будут строго выполнять все приказы матери.

Позже, после того как мать позволила провинившимся котяткам утолить голод, семья кугуаров, бросив остатки недоеденного оленя, двинулась на северо-восток. Пуме было жаль оставлять столько еды, но близилась зима, и она торопилась подыскать территорию с

надежным укрытием и обилием дичи. Для этой цели она выбрала долину Китсегуэкла.

Спустя несколько дней после их прибытия в долину ночью выпал снег. Маленькие снежинки начали лениво сыпаться с неба в полночь, когда три кугуара крепко спали друг возле друга на усталом можжевельником хребте. В тот вечер они сытно поели, потому что пуме удалось подкараулить старого лося.

Кугуары поначалу равнодушно отнеслись к летающим снежным хлопьям. Но чуть позже, когда поднялась вьюга, пума увела детенышей в пещеру.

Ветер за ночь стих, но снег продолжал падать. К утру долина лежала под белым покровом глубиной в тридцать сантиметров. Сильные воздушные потоки верхних слоев атмосферы отогнали облака на восток, где вставала заря, расцветившая небо пастельными красками. Над высокими пиками показался оранжевый край солнца, и его косые золотистые лучи проникли в пещеру.

Пума открыла глаза и зажмурилась от яркого света, потом потянулась и зевнула. Звучно закрыв пасть, она обернулась взглянуть на детенышей.

Белый кугуар в лучах света переливался серебром. Он потянулся, зевнул и, подойдя к матери, потерся головой о ее морду. Его сестренка, закончив ритуал пробуждения, тоже поспешила за ним.

Тренькающее мурлыканье котят тонуло в более зычном гортанном пении матери, напоминавшем рокот мотора. Несколько минут пумы приветствовали друг друга, затем мать вывела детенышей из каменного укрытия.

Утопая в сугробах, пума прокладывала дорогу, безошибочно держа курс к тому месту, где оставила тушу лося. Вскоре они достигли менее глубокого покрова, и котята побежали сами. Заинтригованные незнакомым им ощущением, они резвились, катались, кувыркались в пушистом снегу, иногда пробуя его на вкус. Голодная пума тем временем не мешкая шла к убитому лосю. Снег был ей не в диковинку.

Добравшись до туши, кошка счистила с мяса снег и принялась утолять голод. Спустя мгновения к ней присоединились котята. Позже пума завалила ветками оставшееся мясо, которого ей с детенышами должно было хватить еще на пять-шесть дней. Возвращаясь в укрытие,

она вдруг занервничала — оцетинила усы. тревожно завиляла хвостом.

Со сна она запомнила, что накануне днем слышала тревожные звуки. О моторах она не имела представления, но хорошо знала, что их рокот означает близость людей. В прошлый охотничий сезон ее несколько раз преследовали на самолете и аэросанях.

Теперь пума остановилась и, подняв голову, прислушалась. Тревожные звуки не повторялись. Лишь отчасти успокоившись, она повела котят в пещеру.

В то же утро с восходом солнца Уолт Таггарт, повесив на правое плечо ружье, покинул свою хижину и на снегоступах отправился к ближайшему оползневому участку, усеянному каменными глыбами, над которым вздымалась высокая гранитная стена. Это место служило ему стрельбищем. Три недели назад Стив Казинс по его просьбе установил здесь самодельные мишени.

Добравшись до импровизированного стрельбища, Таггарт снял с плеча ружье, зарядил его и прицелился. Он выпустил двадцать пуль подряд, затем проверил мишени и удовлетворенно улыбнулся, убедившись, что стреляет так же метко, как и прежде, и теперь может вернуться к любимому занятию — водить на охоту богатых клиентов и подрабатывать браконьерством.

Уолтер Таггарт искренне полагал, что земля, на которой он живет, и обитающие на ней животные — это его доля наследства, коим он вправе распоряжаться по собственному усмотрению, а браконьерство — всего лишь один из способов существования, обеспечивающих людей пропитанием и деньгами. И посему, как он частенько говаривал Стиву Казинсу, будь он проклят, если позволит «кучке городских пижонов» указывать ему, как жить.

Возвращаясь домой в то утро, Таггарт пытался вычислить, сколько клиентов пожелают заплатить дополнительно за незаконную охоту после того, как их лицензионные квоты будут исчерпаны. Пожалуй, пора рассказать Казинсу о госте, навестившем его в больнице, решил он.

В ванкуверской больнице Таггарт не знал отбоя от посетителей. Это в основном были журналисты, но однажды утром к нему явился коренастый мужчина, по выговору американец. Мужчина небрежно

пожал ему руку. Ладонь у него оказалась мягкая, с холеной кожей и ухоженными ногтями.

— Здорово, парень. Как дела? Меня зовут Джо.

Джо сказал, что приехал из Сиэтла, специально чтобы встретиться с Таггартом, что видел по телевизору интервью с ним, читал в газетах о постигшем его несчастье и заинтересовался личностью пострадавшего, которому он желает сделать деловое предложение.

Как выяснилось, Джо — гость не назвал свою фамилию — занимался нелегальным экспортом органов животных в Азию. Ни о чем подобном Таггарт прежде не слышал, но сам факт его заинтересовал.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

На протяжении веков, объяснил Джо, азиатские народы используют органы животных в лечебных целях. Желчные пузыри медведей, например, считаются целебным средством, равно как и рога оленей, карибу и даже лосей. Из когтей медведей, рысей и росомых, а также из клыков всех этих зверей делают ожерелья, браслеты и брелоки.

Экспорт органов животных — весьма прибыльный бизнес, говорил Джо, но существует одна проблема. Канадские власти не запрещают вывозить подобный товар, однако служба охраны рыбных ресурсов и диких животных США, весьма суровая структура, работает в тесном контакте с представителями таможни на всех границах.

Джо прикурил сигарету и, выпустив дым, добавил:

— Мы работаем уже шесть лет и еще ни разу не попались. В Америке много браконьеров, но большинство из них, в отличие от нас, действуют каждый сам по себе, неорганизованно, и потому их часто ловят с поличным, штрафуют на крупные суммы и надолго сажают в тюрьму. Но у вас в горах вы можете опасаться только местной полиции. И обвинение вам могут предъявить только в том случае, если поймают с поличным.

В результате Таггарт согласился поставлять Джо желчные пузыри, рога, когти, мех и головы всех животных, которых им с Казинсом удастся убить. Джо также намеревался покупать у них шкуры медведей, волков и пум.

— Как я буду получать деньги? — осведомился Таггарт. — И как передавать вам товар?

— Во-первых, парень, товар мы забираем сами. На вертолете. От тебя требуется одно: позвонить вот по этому номеру. — Джо вручил Таггарту карточку с номером телефона. — Когда будешь звонить, держи перед глазами карту. Укажешь подходящее место для посадки. Координаты назовешь парню, который ответит на твой звонок. Сначала называешь широту, потом долготу. Умеешь читать карту?

Таггарт кивнул.

— Что касается оплаты, — продолжал Джо, — деньги по доставке. Пилот загружает товар и тут же расплачивается с тобой. И вот еще что, парень. Мы обеспечиваем перевозку товара и платим деньги. Все остальное — твоя забота. Попадешься, выпутывайся сам. Договорились?

Таггарт с готовностью согласился. Они с Казинсом уже давно занимались незаконным промыслом, и он знал, что поймать их в горных дебрях практически нереально. Теперь, приближаясь к своей хижине, он раздумывал, как им лучше организовать новое предприятие. Его напарник, он был уверен, ухватится за возможность легкой наживы.

Глава 5

В последующие четыре дня, когда пума с детенышами доедали остатки лося, подали голос ружья. Первые два выстрела, прозвучавшие один за другим, донеслись с южной стороны, затем раздался один с западной. После нескольких минут тишины горы вновь огласили ружейные хлопки.

Как только первые выстрелы раскололи утреннее безмолвие, пума во всю прыть помчалась к укрытию. Котята, испуганно мяукая, побежали следом. В пещере мать успокоила детенышей, облизывая их с ласковым урчанием, но котята продолжали вздрагивать при каждом очередном громоухании. Наконец, когда солнце покатило за западные пики, стрельба прекратилась.

Вечером, пока детеныши спали, пума залегла у входа в пещеру, наблюдая за погружавшейся в ночную тьму местностью. Наконец она повернула голову, посмотрела в глубь пещеры и тихо зарычала. Гортанный рык матери разбудил малышей. Охотничьи ружья предупредили пуму о близости злоумышленников, и она решила увести детенышей на высокогорный луг.

За час кугуары достигли ущелья на противоположном берегу реки Китсегуэкла. Далее идти стало труднее, потому что тропа сузилась и круто пошла вверх.

На высоте тысяча двести метров лежал снег метровой глубины. Мать-пума прокладывала дорогу для измученных котят. Они продолжали пробираться наверх, порой карабкаясь почти по вертикали, обходя каменные оползни.

Котята выбились из сил, не преодолев еще и половины тяжелого маршрута. Особые страдания им доставлял разреженный горный воздух, которым они дышали впервые. Маленькая самочка дважды падала на трудных крутых участках. На белом кугуаре тоже сказывалась смена климатических условий. Он едва и сорвался в пропасть, перепрыгивая через расщелину. Но мать неумолимо шла вперед и котята вынуждены были следовать за ней.

Кошмар кончился через пять часов, когда пумы наконец-то достигли высокогорного луга. Мать остановилась на несколько секунд,

чтобы оглядеться и сразу же повела детенышей на восточный край луга, где вздымалась вертикальная гранитная стена. У ее подножия, среди нагромождений каменных глыб, скрывалась глубокая пещера, которая уже некогда служила ей убежищем.

У входа пума опять остановилась и, наострив уши, принялась. Убедившись, что в логове пусто, она вошла в овальный грот, переходивший в короткий туннель, за которым открывалась вторая каменная полость.

Растянувшись на полу темной пещеры, обессиленные котята мгновенно заснули, но их мать не дремала. Зевая, она тихой поступью вернулась к главному входу, нашла местечко, с которого ей было удобно следить за внешним миром, и легла.

Над западными пиками висела желто-зеленая, почти полная луна. Ее свет дополняли вспышки северного сияния, расцвечивавшего ночное небо фосфоресцирующими волнами, которые затем сменялись сверкающими стрелами и пронизывали темноту под разными углами.

Примостившись на ветке голой осины, ухал филин. Он пять раз огласил ночное безмолвие своим зычным резонирующим криком, эхом отозвавшимся в пещере. Как бы отвечая ему, где-то вдалеке завыл одинокий волк. Потом вновь воцарилась тишина.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, от охотничьего домика на озере Макдонелл отъехали аэросани с двумя проводниками. Они обследовали низины и поднимались на небольшие перевалы, двигаясь на север. По дороге они то и дело останавливались на стратегических возвышенностях и осматривали в бинокль окружающую местность.

Через три часа разведчики достигли долины Китсегуэкла, где обнаружили следы пум, приведшие их к пещере и обглоданному лосю. Они поспешили передать весть о находке на базу.

Белл, принявший по радиации сообщение, посоветовался со своими помощниками, и было единодушно решено, что следует установить местонахождение взрослой кошки, а потом перевезти туда по воздуху двух клиентов с лицензиями на отстрел пум.

Разведчики пошли по следам, тянувшимся вниз по склону к реке Китсегуэкла. Добравшись до берега, они определили, что пумы вброд переправились через реку и скрылись в ущелье. Старший проводник проследил маршрут в бинокль и заметил, что тропа впереди сужается

и круто поднимается вверх; на аэросанях по ней не проехать. Проводники доложили о своих наблюдениях на базу и получили от Белла распоряжение возвращаться на озеро Макдонелл. Белл намеревался послать по следу самолет.

Разведчики еще находились на полпути к своей базе, а к обозначенному ими месту уже подлетал Таггарт. Ему было приказано гнать пуму к участку, где мог бы сесть самолет.

Самолетом управлял пилот по имени Джек Кент. Сначала он вел машину над тесниной. Таггарт, высунувшись из окна, осматривал местность. От холодного ветра, хлеставшего в лицо, слезились глаза, но он отчетливо видел следы, оставленные на снегу тремя пумами. Вскоре ущелье сузилось настолько, что «сессна» просто не вмещалась между его стенками. Задрвав нос самолета, Кент вывел машину на высоту полутора километров.

Они миновали пики и, спустившись до ста метров, полетели над высокогорным лугом. Таггарт как раз вновь обнаружил следы, когда на открытое пространство из еловой чащи выскочила пума, но, прежде чем он успел вскинуть ружье, она уже исчезла в Пещере

— Есть! Мы поймали ее! — вскричал он, ныряя в кабину. Джек Кент был опытным пилотом и сразу определил, что луг, маленький и неровный, весьма неподходящая посадочная площадка для самолета.

— Нет, Уолт. Не поймали. Сесть здесь невозможно.

Таггарт не отвечал. Он смотрел на долину, над которой кружил самолет, и видел, что пилот прав.

В то утро голод погнал пуму из пещеры. В прошлый ее визит здесь водилось много горных козлов, но теперь, кроме мышей и полевок, поживиться было нечем. Тем не менее она обошла все обрывистые склоны вокруг узкой лесистой долины, забралась на высоту более трехсот метров над лугом и наконец поняла, что искать бесполезно: пицци в этом укромном уголке не было.

Спускаясь к пещере, пума слышала рокот самолета — поначалу слабый, он с каждой секундой звучал все громче. Неожиданно над лугом показалась «сессна», летевшая на небольшой высоте. Пума в это время находилась на склоне, она припала к земле и перекатилась под сень елей, затем вскочила и бросилась через открытое пространство к своему убежищу

В логове котят, напуганные ревом мотора, жались друг к другу. Размахивая хвостом, пума подошла к малышам, облизала каждого, затем урчанием приказала им оставаться на месте, а сама вернулась к проему, вслушиваясь в жужжание улетающей машины. Когда шум стих, она возвратилась в пещеру за детенышами.

Еще раз тщательно облизав котят, чтобы успокоить их и приободрить, пума двинулась к противоположному краю луга, где ущелье тянулось в западном направлении. Голодные малыши с жалобным мяуканьем семенили следом, но мать не обращала внимания на их нытье. Котятам приходилось бежать, но они вполне поспевали за матерью. На пути им встречались деревья и валуны, часто приходилось карабкаться по склонам, чтобы обойти недавно образовавшиеся оползни — все это замедляло продвижение. Пума забеспокоилась, она знала, что малыши следуют за ней на пределе своих возможностей.

Через два часа солнце опустилось за горные вершины. Кугуары в это время находились в лесистой части ущелья, и пума решила заночевать под елями. Она видела, что детеныши выдохлись и нуждаются в отдыхе гораздо больше, чем в пище.

Пума проснулась, едва забрезжил рассвет. Она быстро лизнула котят, будто просто для того, чтобы не нарушать заведенный ритуал, и тут же тронулась в путь, котята следовали за ней по пятам. Она энергичной поступью продвигалась вперед, стараясь держаться в укрытии деревьев, и часом позже уже вела их по широкой пологой тропе, которая отнимала гораздо меньше сил.

Наконец пумы добрались до пойменных земель в районе, который им хорошо был знаком, ибо они находились всего лишь в полутора километрах к востоку от реки Зимец и в пяти километрах от их второго логова. Пума знала, куда идет. Она вознамерилась привести своих детенышей в местность, где жила еще котенком вместе с матерью. Но путь туда пролегал через реку.

Учуяв запах чернохвостого оленя, она подкараулила молодого самца и накормила изголодавшихся детенышей, затем немедля продолжила путешествие. Брод через порожистую реку они нашли только через пятьдесят километров, спустя шесть часов после последней остановки. В густом лесу пума наконец-то позволила

измученным котяткам отдохнуть. Они заснули, а мать вновь отправилась на охоту.

На рассвете следующего дня пумы продолжили путь. За десять часов они прошли около сорока километров. Перевалив через гору, они достигли цели своего путешествия — большой долины на восточном краю Берегового хребта, лежавшей в окружении высоких пиков, покрытых ледниками, питавшими тальми водами целую сеть речушек.

В долине, надежно защищенной горами от двуногих хищников, семья кугуаров устроилась коротать долгую зиму.

Наступление зимы ознаменовало конец охотничьего сезона. Белл и его помощники сворачивали деятельность «Горного сафари» до следующего года. Из охотничьих домиков вывозились продукты питания, перекрывались системы водоснабжения, ремонтировались здания и оборудование. После все проводники, за исключением Таггарта и Казинса, разъехались по домам — в Смитерс и Телкуа. Белл с женой улетел в Ванкувер, а оттуда на юг Калифорнии, где чета проводила зиму...

Таггарт и Казинс остались сторожить базу на озере Муэскин-Джонни. В связи с тем что хозяйство "Горного сафари" пополнилось двумя новыми охотничьими домиками, теперь им приходилось периодически совершать вылазки на аэросанях к обоим лагерям, главным образом чтобы проверить, не прохудились ли крыши под тяжестью снега. В их обязанности также входило присматривать за двумя десятками лошадей, которых в охотничий сезон использовали как верховых и тяжеловозов, а после отпускали на вольные хлеба — весьма непродуктивная и жестокая практика, в результате которой ежегодно несколько несчастных животных умирало с голоду.

Таггарт и Казинс теперь оставались одни во всем регионе. И вылазки к новым лагерям служили идеальным прикрытием для занятий браконьерством, если вдруг пришлось бы объяснять свое временное отсутствие на базе какому-нибудь шальному инспектору из службы охраны природы.

Через месяц после отъезда Белла в Калифорнию смотрители отправили первую партию органов и шкур, за которые выручили почти три тысячи долларов. Они убили восемь волков, трех барибалов, двух гризли, пять рысей, росомаху, двух лосей и пятнадцать чернохвостых оленей. За следующие полтора месяца они подготовили второй груз и

получили за него почти четыре тысячи долларов. Оба были весьма довольны своим успехом.

Глава 6

Кончилась зима с обильными снегопадами и тридцатиградусными морозами. Долина, где поселились пумы, постепенно откликнулась на наступление весны. К середине мая замерзшие реки наконец-то избавились от ледяной брони и вновь забурили, выходя из берегом и растекаясь по склонам.

Кугуары перебрались на шестисотметровую вершину одного из предгорий, где было сухо. Только в каменных впадинах образовались озера с кристально чистой питьевой водой. Из-под земли тянулись к солнцу зеленая травка, распускались почки на осинах, зацветала черемуха.

Белый кугуар вытянулся в длину до двух метров и весил тридцать килограммов. Его сестренка, полутораметровой длины, набрала двадцать пять килограммов веса. мех молодого самца отливал белизной. Черные отметины на его морде и хвосте, резко контрастировавшие с молочно-белым туловищем, придавали всему его облику царственное величие. Самочка, одетая в блестящую рыжеватокоричневую шубку, не уступала брату в красоте. Она отличалась грациозностью, и ее мордочка, гораздо более аккуратная и не столь массивная, как у брата, была очаровательна. Было ясно, что белый кугуар, достигнув порога зрелости, превратится в исключительно крупного и сильного представителя своей породы. К тому же, на редкость сообразительный и изобретательный в отличие от своей робкой сестренки, он был гораздо более отважным.

Пумы оставались в долине до тех пор, пока полностью не сошел паводок. В конце мая мать решила, что теперь вполне безопасно отправиться в долгое путешествие, и вновь повела детей к озеру Китсегуэкла. Они двигались не спеша, отдыхали, когда уставали, охотились, если начинал мучить голод, на день-два оставались в особенно понравившейся им местности. Цели путешествия пумы достали в первых числах июня.

Месяцем раньше Эндрю Белл вернулся на «Горное сафари» и сразу развил на базе кипучую деятельность. Таггарту и Казинсу тем не менее удавалось иногда ненадолго ускользнуть из лагеря на

внесезонную охоту за медведями, лосями, волками и оленями для Джо. Их хозяин, разумеется, оставался в неведении относительно незаконного предприятия, которое затеяли ради собственной выгоды двое его старших проводников.

Белл приказал им обследовать северные территории и выяснить, сколько животных пережили холода. Ежегодно, готовясь к охотничьему сезону, Белл проводил учет зверей в своей вотчине. Конечно, он не мог гарантировать клиентам, что те непременно подстрелят какой-нибудь ценный трофей, но в рекламе обязательно представлял данные обо всех видах, обитающих в его владениях. Для Таггарта и Казинса эта экспедиция пришлась как нельзя кстати, потому что пи-лот, прибывший за последней партией груза, передал, что Джо пожелал приобрести шкуру пумы с головой за пятьсот долларов.

Через восемь дней после того, как семья кугуаров вернулась на свою летнюю территорию, Таггарт и Казинс в полдень, въехали в долину Китсегуэкла. Таггарт поднес к глазам бинокль, чтобы оглядеть открытую местность вокруг небольшого озера, и едва успел навести резкость, как увидел молодую пуму, прошмыгнувшую в укрытие. Юная самка ходила к озеру и на обратном пути заметила верховых. В панике она поспешила к матери и брату, отдохавшим под деревьями.

Таггарт, лишь мельком углядевший молодую кошку, опустил бинокль и повернулся к Казинсу.

— Там пума, Стив! Эх, жаль, что мы не взяли с собой гончих.

Казинс пожал плечами, соглашаясь. Без охотничьей собаки выследить пуму в этой местности было нереально. Браконьеры решили прорвать обход территорий и вернуться на озеро Муэскин-Джонни и гончей. Они намеревались сказать Беллу, что гризли катастрофически расплодились и без собаки они просто не смогут определить район обитания каждого медведя.

Но владелец «Горного сафари» распорядился отложить поездку. Уже прибывали любители рыбной ловли, и он считал, что Таггарт и Казинс должны сопровождать гостей на рыбалке.

Легкий ветерок дул в сторону всадников, и потому только юная самка знала о присутствии охотников. Мать сразу заметила, что ее дочь чем то встревожена, когда та вернулась с озера, но, поскольку молодая

пума часто проявляла нервозность, если оставалась одна, она не придавала значения ее беспокойству.

Мать-пума уже решила, что на лето они останутся у озера Китсегуэкла. По ее представлениям, это было вполне безопасное место, тем более что в самой долине и ее окрестностях водилось много оленей, лосей и разных мелких животных. Если бы она учуяла людей, то немедленно увела бы дочь с сыном в другой район.

В ту же ночь пумы сообща убили лося. Подрастающие кошки впервые участвовали в охоте вместе с матерью. В сущности, самостоятельно взрослая пума не сумела бы завалить столь крупного зверя, хоть тот и хромал на задние ноги.

Ветер донес до кугуаров запах лося, когда они находились в восьмистах метрах от пего. Следуя за матерью, пумы беззвучно побежали по лесу, направляясь к реке Китсегуэкла. В ста метрах от своей цели они замедлили бег.

Лось стоял по грудь в воде и, окуная морду, щипал плавающие на глубине водоросли. Каждый раз вскидывая голову, он с шипением хватал пастью воздух. Ничто не ускользнуло от внимания кугуаров — ни его затрудненное дыхание, ни худосочность туловища, ни скованность движений. Было очевидно, что лось стар и болен.

Лось не подозревал о близости пум, пока те не подобрались к самому берегу. Вдруг красная белка, сидевшая высоко на ветке белой ели, обеспокоенно заверещала. Встревоженный лось поднял голову

и, увидев пум, пустился галопом прочь, но, громоздкий и неуклюжий, он не успел даже полностью развернуться, когда кугуары набросились на него.

Мать одним прыжком преодолела восемь метров, белый кугуар — пять с половиной. Юная самка вообще не стала прыгать, она помчалась вперед что есть мочи. Мать с сыном почти одновременно коснулись земли и вновь взвились вверх. Старшая пума опустилась на заднюю часть туловища лося. Он пошатнулся, но, прежде чем успел обрести равновесие, белый кугуар вцепился ему в шею. Старый лось рухнул на землю. Удерживая добычу одной передней лапой, самец мощными клыками вонзился в горло жертвы.

Лось попытался подняться, но мать-пума крепко схватила его за шею. В это время подросла юная самка. Увернувшись от судорожно брыкавшего копыта, она сомкнула пасть на заднем бедре лося.

Терзаемый с трех сторон, бедняга умер почти мгновенно. Кугуары еще несколько секунд продолжали рвать добычу, потом выпрямились.

Следующие полчаса кошки не спеша утоляли голод. Мать время от времени отвлекалась от трапезы, поглядывая на дочь с сыном. Возможно, она думала, что ее дети несколько минут назад переступили черту, отделяющую юность от зрелости.

В то лето Таггарт и Казинс не имели ни минуты свободного времени, с утра до ночи обслуживая клиентов, которые нескончаемой чередой прибывали на озеро Муэскин-Джонни. Большинство гостей ехали на озеро под впечатлением прочитанного в иллюстрированных буклетах, которые Белл издал большим тиражом, и рекламных статьях, размещенных в ведущих журналах для охотников и рыболовов. Читателям обещали, что они получат в провозимые человека, которому искалечила правую руку свирепая пума, а также познакомятся с его отважным спасителем.

«Героям» льстило внимание приезжих, и тем не менее они стремились уехать с базы. Помня о замеченной пуме, они с каждым днем все больше теряли терпение.

Наконец однажды утром на третьей неделе августа Белл вызвал Таггарта с Казинсом к себе в кабинет и сказал, что на следующий день они вновь отправляются на поиски животных для предстоявшего охотничьего сезона. При этом известии оба охотника широко заулыбались.

— Отлично, босс! — на радостях почти вскричал Таггарт и добавил: — Пожалуй, я прихватю с собой гончую.

— Да, — кивнул Белл. — Только не давай ей волю. Незачем без дела пугать зверей.

Проводники тронулись в путь, едва солнце позолотило верхушки восточных пиков. За Таггартом бежали две гончие, привязанные к седлу длинными веревками. Казинс, как всегда, вел лошадь, нагруженную провизией, снаряжением и рацией.

По дороге они часто спешили и шли по следам медведей, лосей, койотов и волков. Обследуя километр за километром, они приближались к долине Китсегуэкла, отмечая на картах все места обитания животных.

Оба проводника гордились своим умением выслеживать зверей и серьезно относились к этой работе. И не только потому, что,

отправляясь на разведку, они получали определенную свободу — от точности добытой информации зависело их личное благополучие. Однако за три дня они ни разу не наткнулись на следы пумы. Настроение у обоих упало.

Утром четвертого дня Таггарт, потягивавший кофе, вдруг сказал:

— Знаешь, Стив, думаю, нам надо напрямик идти туда, где мы видели кошку. Убьем гадину, а потом продолжим осмотр.

— Ладно, — согласился Казинс. — Если убьем.

Спустя четыре дня ближе к вечеру они достигли долины Китсегуэкла и уже хотели ставить палатку, как вдруг собаки заскулили и стали рваться с поводков.

— Псы что-то учуяли, Стив! Должно быть, кошку. Стемнеет не раньше чем через три часа. Поехали!

Пятью минутами позже они сидели в седлах. Гончих отвязали, и те с громким лаем помчались вперед. Пришпоривая коней, Таггарт с Казинсом поскакали за собаками. Сначала ровная местность позволяла им гнать лошадей галопом, но потом перед ними вырос склон, усеянный валунами. Пришлось сбавить ход. Звонкий лай гончих удалялся.

— Нет, это не дело, — произнес Таггарт, слезая с коня. — Дальше пойдем пешком.

Спотыкаясь и чертыхаясь, искалеченный охотник первым стал карабкаться по склону, но вскоре вынужден был пропустить вперед напарника. Тучный, грузный, он был настолько не приспособлен к тяжелым физическим нагрузкам, что после ста метров быстрой ходьбы побагровел и начал задыхаться. Теперь он едва волочил ноги.

Казинс, жилистый и худощавый, вскоре оставил Таггарта далеко позади, а потом и вовсе исчез из виду. Мгновения спустя собаки залаяли пронзительнее. Судя по их захлебывающемуся лаю, они стояли на месте.

Проводники тоже остановились. Таггарт расплылся в улыбке и, хотя дышал с трудом, прокричал Казинсу:

— Есть! Кошка у нас в руках. Подожди меня.

Когда Таггарт и Казинс появились в долине, пумы отдыхали возле недоеденного оленя, которого они убили минувшей ночью. Мать лежала растянувшись на плоском камне, ее дети расположились чуть

ниже. Юная самка спала, свернувшись клубочком; ее брат сидел прямо, наострив уши.

Внезапно старшая пума вскочила и замахала хвостом. Ее взгляд был устремлен к озеру Китсегуэкла. Она услышала людей, их лошадей и собак, хотя те находились еще за восемьсот метров от кугуаром. Рычанием предупредив отпрысков об опасности, рыжевато-бурая пума повернулась и помчалась прочь. Белый кугуар следовал за ней по пятам. Юная самка во всю прыть кинулась за матерью с братом.

К тому времени, когда гончие начали преследование, три кугуара уже отделились от места отдыха на четыреста метров. Мать, прекрасно знавшая окрестности долины, повернула на северо-восток, где высился Скалистый хребет — крутой голый надвиг, усеянный глыбами и изрытый глубокими трещинами. Старшая пума с сыном стремительно неслись к этому убежищу, а юная самка, не поспевавшая за ними, в панике метнулась в западную сторону и вскоре достигла реки.

Оказавшись на открытом пространстве, она растерялась, и, пока озиралась в смятении, из леса выскочили две собаки. Они помчались к ней. Пума повернулась к собакам и в страхе зарычала.

Первой бежала крупная черная гончая с коричневыми подпалинами. За шесть лет своей жизни она загнала не одну пуму и точно знала, как ей действовать. Она ринулась в тыл кошки, предоставив своей напарнице встречать ее спереди. Пума повернулась к обошедшей ее собаке, но тут же почувствовала, как на нее накинута вторая гончая, клыками царапнув ее бок. Несчастливая пума подбежала к ближайшей высокой ели, подпрыгнула, передними лапами хватаясь за ствол, и, отталкиваясь задними ногами, стала карабкаться по дереву.

Поднявшись от земли на двенадцать метров, пума сочла, что теперь ей ничто не грозит, и, балансируя на двух ветках, со злобным шипением устала на преследователей.

Через десять минут к осажденному собаками дереву подоспел Стив Казинс. Он остановился в пятнадцати метрах от ели и, взглянув на кошку, вставил в винчестер патрон, но стрелять не спешил. Он ждал Таггарта, зная, что его напарник будет взбешен, если он лишит его первого выстрела.

Однако, заметив вскоре, что пума собирается спуститься с дерева, Казинс вскинул ружье и, сделав глубокий вдох, мягко нажал на

спусковой крючок. Пуля пронзила сердце пумы еще до того, как прогремел выстрел. Безжизненное тело с глухим стуком упало на землю.

Таггарт выскочил из леса, когда Казинс уже сажал гончих на привязь. С трудом переведя дух, Таггарт громко выругался:

— Не мог дожидаться меня? Сукин ты сын! Казинс холодно взглянул на напарника.

— Кошка начала спускаться. Пришлось выстрелить. Будь ты в лучшей форме, сам бы и убил. Так что отвяжись от меня, Уолт! — отчеканил он.

Отрывистая речь, суровый тон Казинса быстро охладили пыл Таггарта. Он знал, что его напарник не из тех, кого можно оскорблять безнаказанно. На самом деле он побаивался Казинса, хотя никогда себе в том не признавался.

Казинс отправился за лошадьми, к его возвращению Таггарт уже освежевал тушу пумы. Шкура с лапами и головой была свернута в окровавленный узел.

— Здесь где-то еще две кошки, — возбужденно объявил Казинс, подводя коней к напарнику.

Таггарт, обмывавший в реке нож, которым он сдирал шкуру, резко выпрямился и воззрился на Казинса, не замечая, как с его рук стекает вода.

— Еще две? Откуда ты знаешь?

— Видел две цепочки следов. Они ведут на северо-восток. Должно быть, три кошки сначала были вместе, а потом разделились.

Через десять минут охотники подвели собак к тому месту, где Казинс нашел следы пум, и спустили их с привязи. Гончие мгновенно уловили запах и с громким лаем исчезли за деревьями. Мужчины поскакали за собаками, но вскоре вынуждены были спешиться и пешком продолжить преследование. На этот раз Таггарт сам отпустил напарника.

— Иди, Стив. Если придется, стреляй, не жди меня. Но, надеюсь, такой необходимости не возникнет!

Пока охотники ловили молодую самку, рыжевато-бурая пума с сыном, подгоняемые лаем собак, взбирались на Скалистый хребет. На середине склона они услышали выстрел, произведенный из ружья Казинса, и припустили еще быстрее.

Поднявшись на тысячеметровую высоту, кугуары наткнулись на большой оползень. Осыпающиеся под ногами камни затрудняли продвижение. Белый кугуар повернул направо, обходя осыпь, и продолжал взбираться наверх. Мать-пума свернула влево, но дорогу ей преградил оползень. Она последовала по тропинке, ведущей вниз, и вскоре оказалась на поросшей лесом равнине.

Лая собак не было слышно, и пума, решив, что угроза миновала, подползла под большую ель и легла. С полчаса пума отдыхала, потом поднялась, собираясь вернуться на Скалистый хребет к сыну, но тут вновь залаяли гончие, пущенные по следу кугуаров. Рыжевато-бурая пума бросилась в чащу леса, но бежать быстро она не могла: сказывалась усталость. Собаки приближались

Через четыреста метров пума поняла, что гончие вскоре настигнут ее, и стала карабкаться на высокую ель, не делая передышки до тех пор, пока не забралась на верхние ветки. С пятнадцатиметровой высоты она наблюдала, как к ее убежищу подбежали возбужденные гончие. Пума громко зарычала. Она все еще продолжала злобно ворчать, когда к месту осады подошел Калине.

Помня о желании напарника самому убить кошку. Казинс решил посадить гончих на поводок и отвести от дерева. Опыт подсказывал ему, что хищница вряд ли предпримет попытку убежать, если ее не понуждать к тому. Интуиция его не подвела. Едва он с собаками отошел от дерева на пятьдесят шагов, пума перестала рычать. Она сверлила своих врагов гневным взглядом, но спуститься на землю не стремилась.

Через несколько минут подоспел Таггарт. Остановившись рядом с Казинсом, он тяжело отдувался, не в силах выговорить ни слова.

— Эй, Уолт, — с ухмылкой обратился к нему молодой напарник. — Сядь отдохни. Кошка тебя подождет... Ну а если не дождется, придется опять мне стрелять.

Таггарт отвечал ему пылающим взглядом. Прошло десять минут, прежде чем его дыхание восстановилось настолько, что он уже не боялся промахнуться. Таггарт вскинул ружье и прицелился. Спустя несколько секунд прогремел выстрел. Пума шарахнулась в сторону. От удара пули ее швырнуло на ствол. Она обмякла и начала падать вниз.

Белый кугуар, стоявший на выступе возле пика Скалистого хребта, при звуке выстрела подпрыгнул на месте. От круглой вершины

горы его отделяли всего несколько сот метров. Вскоре он поднялся на гребень и начал спуск по противоположному склону. Он знал, что остался один. Острое чутье и хороший слух помогли ему распознать убийц. Он возненавидел человека.

Добравшись до лесистых низин, кугуар побежал вдоль русла реки Китсегуэкла. Через час он остановился, забрался на каменистый склон и лег между валунами. Здесь он подремал два часа и, едва миновал полдень, поднялся. От людей не было ни слуху ни духу, поэтому он опять пустился в путь, уже более неспешным шагом направляясь строго на север.

Спустя четыре дня белый кугуар достиг верховьев реки Насс. В том незнакомом безлюдном краю ему было суждено провести следующие пятнадцать месяцев, пока зов природы не погнал его на поиски самки.

Глава 7

Поначалу белый кугуар не ощущал отсутствия матери и сестры, но через некоторое время он затосковал. Он обнюхивал землю, пытаясь обнаружить их следы, а иногда забирался на какую-нибудь вершину и обзирал лежавшие внизу долины. Он чувствовал себя одиноким и потерянным. Из-за с недавнего его беспокойства у молодого кугуара притупился охотничий инстинкт и постоянным спутником в его тщетных поисках семьи стал голод. Однако по истечении нескольких недель белый кугуар свыкся с

одиноким, навязанным ему, как и некогда его матери, жестоко и преждевременно. Он прекрасно адаптировался в северном краю и с той поры с равнодушным смирением вел обособленное существование взрослого самца.

Не тревожимый людьми, он охотился за бобрами, зайцами и сурками, оттачивая технику выслеживания и нападения до тех пор, пока однажды не рискнул завалить большого чернхвостого оленя. После всю зиму он уже удовлетворял свой аппетит только крупной добычей.

Как-то весной ему удалось убить годовалого лося, а на следующий день — койота, пришедшего полакомиться зарытыми остатками мяса. С каждой новой победой крепла его уверенность в собственных возможностях. Приближаясь к порогу зрелости, белый кугуар уже чувствовал себя полноправным хозяином своих владений.

В сентябре, однако, его покой нарушил незванный гость — шестилетний самец, покинувший свою территорию из-за недостатка пищи. Чужак быстро обнаружил пахучие вехи, которыми белый кугуар обозначил свои угодья, но, уверенный в собственной силе, вознамерился изгнать из местности, богатой пропитанием, ее нынешнего обитателя. Он смело пошел вперед, часто останавливаясь и заливая своей мочой стволы деревьев и камни, уже опрысканные белой пумой. С ходу не получив отпора, наглый пришелец утратил бдительность. Он беспечно продвигался по долине, а учуяв свежее мясо, бесшумно помчался на запах. В своем стремлении поскорее

отыскать добычу он даже не заметил, что на каменном выступе, под которым он пробегает его поджидает соперник.

Когда чужак поравнялся с карнизом, белый кугуар прыгнул на него. Пумы, сцепившись в когтистых объятиях, с яростным рычанием повалились на землю, через минуту-две отскочили друг от друга и, помедлив мгновение, вновь одновременно бросились в атаку.

Самозванец был крупный зверь, но в силе уступал белому кугуару. Пумы боролись отчаянно, оглашая округу воплями и рычанием. Схватка длилась пять минут — довольно затяжной раунд для столь хорошо вооруженных противников. Пришелец наконец понял, что хозяина ему не одолеть, и уступил. Обливаясь кровью, хлеставшей из глубоких рваных ран, он помчался прочь из долины, преследуемый возбужденным победителем.

Пробежав за наглцом метров сто, белый кугуар остановился; его грудь тяжело вздымалась. Он грозно зарычал и забил ногами по земле, вздымая в воздух лесной мусор. Потом, удовлетворенный демонстрацией собственной силы, повернул назад.

В конце ноября белым кугуаром овладело необъяснимое беспокойство. Ему уже шел третий год. Он весил сто пятнадцать килограммов и в длину достигал двух метров восьмидесяти сантиметров. Сформировавшийся взрослый самец, он являл собой восхитительный образчик силы и красоты. Белоснежная шуба и угольные отметины на морде, кончиках ушей и хвоста лишь подчеркивали грациозность его гибкого мускулистого туловища. До последнего времени он был вполне доволен своим одиноким существованием в найденном им сытном краю, но с каждым днем становился все неуравновешеннее, неосознанно реагируя на пробудившуюся в нем потребность к спариванию.

Наконец в декабре он уступил зову природы и однажды утром покинул родную территорию. Всю ночь сыпал снег. Белый кугуар отправился от верховьев реки Насс тем же маршрутом, которым когда-то добирался туда. Он шел по низинам, избегая крутых перевалов.

Двигаясь строго на юг, через несколько дней он достиг берега реки Китсегуэкла и, следуя вдоль ее русла, вскоре оказался у Скалистого хребта, почти в том самом месте, где они с матерью начали восхождение, спасаясь от охотников.

При воспоминании о преследовании, подробности которого уже забылись, он возбудился, испытывая одновременно гнев и страх — чувства, вынудившие его перейти с шага на бег. Этот темп он сохранял, пока не оказался в густом ельнике, окружавшем долину Китсегуэкла.

Тяжело дыша, белый кугуар двинулся к лугу, посреди которого плескалось озеро Китсегуэкла. На опушке леса он остановился, оглядывая открытую местность, затем направился к воде, напился и, утомленный долгим путешествием, затрусил к пещере, где когда-то укрывался с матерью и сестрой.

На камнях все еще сохранялись едва уловимые запахи его несчастных родичей и его собственный. Кугуар сразу почувствовал себя в родной стихии и, игнорируя позывы пустого желудка, спустя несколько мгновений лег и заснул.

Пробудился он затемно. Долина купалась в желтом сиянии ночного светила, температура упала до минус десяти. На морозе снег скрипел от малейшего прикосновения, но белый кугуар пересек открытое пространство беззвучно, словно призрак.

С беспредельным терпением, присущим особям его породы, он обошел озеро, но свежих следов не обнаружил и отправился на охоту в лес. На рассвете, когда порозовели восточные пики, он завалил оленя.

Кугуар начал есть и вдруг вскочил, возбужденно виляя хвостом. Он повернулся мордой на юг и остановил взгляд на кустах, откуда мгновение назад до него донеслось крадущееся движение. Он хотел уже бросить добычу и поспешить в укрытие, но тут тишину леса потряс громкий протяжный крик.

Кугуар заволновался. Он инстинктивно узнал клич самки, разыскивающей партнера. Взбудораженный, с ошестиненными усами, он двинулся на зов кошки, порывая в ответ.

Услышав рык кугуара, самка побежала ему навстречу. Ей было семь лет. Она выкормила шестерых детей, и из них только одному удалось уберечься от пуль Таггарта и Казинса. Накануне пума учуяла белого кугуара и теперь шла к нему.

Кошки встретились на небольшой поляне посреди леса. Белый кугуар, разгоряченный и дерзкий, подступил к будущей супруге. К его удивлению и недоумению, соблазнительница вскинула переднюю лапу и шлепнула его по морде.

Кугуар отскочил, мотая головой, и вновь двинулся к ней, в знак покорности припадая к земле и выскуливая умоляющие трели, но опять получил отпор. Правда, на этот раз ему удалось увернуться от когтистой лапы. С безопасного расстояния он пристально разглядывал строптивую пуму. Та, отогнав самца, жеманно заурчала, томно выгибая спину.

Пытаясь понять поведение самки, белый кугуар лег на некотором расстоянии от нее. Неосознанно он принял верное решение, ибо, как только пуме показалось, будто он потерял к ней интерес, она сама подошла к нему и с громким урчанием принялась облизывать его крупную голову.

Удивленный и обрадованный, кугуар тоже заурчал. Вскоре кошки спарились. Этот акт они повторяли на протяжении следующих трех недель, которые они провели вместе.

На двадцать второй день самка ушла. Белый кугуар в это время доедал оленя, которого они убили сообща, и даже взглядом ее не проводил. Как и его партнерша, он утратил потребность в спаривании.

Самка, энергичной поступью удалявшаяся в южном направлении, была беременна. Теперь она стремилась найти надежное убежище, чтобы в апреле произвести на свет детенышей.

Остаток зимы белый кугуар перебивался, чем мог. Оленей и лосей, в избытке водившихся в долине в его бытность котенком, почти не осталось. Их перестреляли клиенты Белла, а вне сезона — Таггарт и Казинс.

Кугуар рыскал по округе, охотясь и на птиц, и на мелких зверушек, лишь бы не умереть с голоду. К весне, обессилевший и исхудавший, он побрел к равнинам, которые лежали к востоку от Хейзелтонских гор, и был там в первых числах апреля.

Белый кугуар принялся исследовать речную долину, но за два часа не учуял ни одного оленя. И вдруг, перебираясь через ручей уловил лошадиный дух, который он хорошо помнил. Этот запах у него мгновенно связался с человеком.

Кугуар замахал хвостом и, обнажив клыки, зарычал. Сначала он порывался убежать, но, по мере того как дразнящий запах усиливался, кугуар перешел на крадущуюся поступь и, прижимаясь к земле, двинулся вперед. Услышав ржание лошадей, зверь остановился и стал внюхиваться в воздух. Людей он не учуял.

У подножия паслось четырнадцать коней. Проведшие полгода на грубых кормах, лошади все без исключения страдали от недоедания.

Глядя на животных с голодным блеском в глазах, белый кугуар выбрал в жертву тощего двухлетнего жеребца, оципывавшего пожухлую траву на некотором удалении от стада, и начал подбираться к лошадям с подветренной стороны. Он спустился в долину, прокрался через низкие заросли можжевельника, затем взвился, словно призрак, и с размаху переломил жертве шею. Остальные лошади поскакали прочь.

Кугуар перетащил добычу в ложбину и обнюхал тушу, поначалу не решаясь попробовать на вкус незнакомое мясо. Но голод взял свое.

Три дня и три ночи кугуар держался возле добычи, ел, когда пробуждался аппетит, а после отдыхал. Утром четвертого дня, утолив голод, он не стал прятать объедки, решив отправиться на поиски новой территории.

То утро выдалось беспокойным. Из-за гудения ветра в деревьях белый кугуар не слышал приближения Казинса и узнал о его появлении уже тогда, когда тот въехал в долину.

На рассвете, оставив напарника в охотничьем домике на озере Макдонелл, Казинс поехал проверить лошадей, зимовавших возле озера. Его конь сразу учуял па лугу пуму и, захрапев, встал на дыбы от страха. Белый кугуар, заметив пришельцев, бросился к укрытию,

но Казинс уже выхватил ружье из футляра, притороченного к седлу. При виде белоснежного горного льва он на мгновение опешил и выстрелил с заминкой на долю секунды. Пуля с мягким наконечником ударила о камень возле кугуара, осыпав гранитными осколками его правое бедро. От жгучей боли тот отпрыгнул аж на девять метров и приземлился между валунами. Прячась за камнями, он во всю прыть помчался вверх по восточному склону пика Хаусон, покрытой ледниками возвышенности в цепи Хейзелтонских гор.

На трехсотметровой высоте кугуар остановился и лег под деревьями, изнуренный стремительным восхождением. Вытянувшись во всю длину на левом боку, он хватал пастью воздух. Доселе дремавшая в нем ненависть к человеку разгорелась в полную силу.

На лугу Казинс тщетно высматривал белую пуму. Он понимал, что упустил свой шанс. Охотник принялся вслух проклинать себя за

промах:

— Ч-черт побери. Белая кошка!... Стоит целое состояние... Уолт ушам своим не поверит.

Он погнал коня к тому месту, где последний раз видел белую пуму. Его лошадь проскакала несколько метров и вдруг шарахнулась влево. Сосредоточившись на неожиданно взбесившемся коне, Казинс поначалу не заметил останков добычи кугуара, а когда увидел, вновь выругался.

Он вытащил рацию, намереваясь сообщить о задранный лошади и необычном звере, но потом сообразил, что, объявляя в эфире о белой кошке, он привлечет охотников со всей страны. И он просто доложил об инциденте, не упоминая окраса пумы. На базе к рации немедленно подозвали Белла.

— Что с лошадей? — осведомился Белл.

— Здесь появился горный лев. Дня четыре назад. Огромный. Я его видел. Выстрелил и, кажется, задел. Он скрылся в горах.

— Остальные лошади на месте?

— Пока не знаю. Если недосчитаюсь и других, сообщу.

Через десять минут Казинс нашел табун. Лошади мирно щипали сухую траву на дальнем краю большого луга. Торопясь поделиться потрясающей новостью с напарником, он поскакал назад к озеру.

На полпути ему встретился Таггарт. Тот, явно чем-то взволнованный, галопом гнал своего черного мерина. Увидев Казинса, он натянул поводья.

— Я слышал твое сообщение по рации. Что случилось? Когда Казинс объяснил, Таггарт пришел в ярость:

— Идиот! Как тебя угораздило промазать? Казинс пожал плечами:

— Ты на моем месте тоже бы промазал, Уолт. Говорю тебе, та кошка просто в шок повергает: Белая, как молоко Только на морде и хвосте отметины. И огромная.

Таггарт был доволен.

— Пожалуй, нам лучше вернуться. Поедешь в Смитерс и оттуда позвонишь Джо. Скажешь, что он получит белую кошку за пять тысяч. Я отправляюсь на Муэскин за псами. Скажу Беллу, что ты ушел за кошкой, потому что решил, будто она ранена. Дня два он тебя не хватится.

Два дня спустя Казинс вернулся на базу с обещанием Джо заплатить им пять тысяч долларов за шкуру и голову редкой пумы. Уже было поздно, и потому, сообщив Таггарту о результатах своей поездки, он сразу лег спать.

На следующее утро Казинс, сопровождаемый напарником, явился к Беллу и доложил, будто теперь он абсолютно уверен в том, что промахнулся. Крови он нигде не заметил, объяснил охотник, хотя прошел более полутора километров по следу пумы, и в конце концов след затерялся в скалах.

В присутствии проводников Белл связался со службой регулирования поголовья хищных животных Департамента охотничьего хозяйства в Принс-Джордже. Он сообщил, что кугуар загрыз лошадь, и попросил разрешения на охоту за пумой-вредительницей вне охотничьего сезона.

Получив согласие властей, Белл приказал Таггарту с Казинсом в тот же день отправляться на поиски пумы.

— К началу рыболовного сезона вы должны быть здесь, — добавил он. — В вашем распоряжении десять дней.

— Да мы за два дня управимся, босс, — пообещал однорукий охотник, следом за напарником покидая кабинет Белла.

Браконьеры молча дошли до хижины Таггарта. Там тучный охотник повернулся к Казинсу:

— Значит, так. Кошку мы убьем, а Беллу скажем, что не смогли ее выследить. Незачем делиться с ним бабками.

Белый кугуар отдыхал на мшистом пяточке возле логова, в котором они с матерью и сестрами жили, покинув пещеру у водопада. С этого места он видел всю широкую аллювиальную долину и сливающиеся в единое русло реки Ред-Каньон-Крик и Зимец. Накануне ближе к вечеру на северном берегу Ред-Каньон-Крик он убил оленя, которого затем приволок на склон под сень деревьев. Утолив голод, он крепко заснул.

На рассвете кугуар вернулся к своей добыче, опять поел и едва успел закопать остатки мяса, как вдруг услышал лай собак. Гончие Мчались в его сторону.

Кугуар повернулся на лай и, свирепо сверкая глазами, оскалился в беззвучном рыке. Он внюхивался в воздух. Слабый ветерок принес

едва уловимые запахи людей, лошадей и собак. Махая хвостом, белый кугуар ринулся вниз в долину.

Около реки он перешел на шаг. Дойдя до излучины, где течением нанесло песчаный островок, он прыгнул. Его грациозное туловище белоснежной аркой взмыло над ледяной водой. Он коснулся лапами отмели посреди реки и опять взвился в воздух, приземлившись на противоположном берегу, потом поднялся на склон, ища укрытия в осиннике.

Лай собак звучал громче. Впереди в просвете между молодыми лиственницами кугуар увидел нависающую гранитную скалу. Он запрыгнул на карниз и затаился за желтовато-зеленой хвоей, готовый напасть из засады.

Спустя несколько минут он услышал плеск воды: гончие перебирались через реку. Кугуар ждал, пытаясь различить запахи людей и коней, но воняло только псиной. Захлебываясь лаем, собаки продирались сквозь подлесок к месту засады.

Возглавлял погоню Блу, лучший охотничий пес Таггарта. За ним по следу пумы неслись еще четыре гончие. Выбросив вперед передние лапы, белый кугуар прыгнул из засады. Из его раскрытой пасти вырывался яростный рык.

Застигнутые врасплох гончие попытались остановиться, но было уже поздно. Кугуар вонзил когти в грудь вожака. Тот испустил дух за считанные секунды. Остальные собаки бросились наутек. Белая пума настигла одну из них и ударила правой передней лапой. Несчастного пса подбросило в воздух, с жалобным визгом он приземлился в двух метрах от коварного налетчика. Двум собакам удалось убежать невредимыми.

Громко рыча, зверь гневно смотрел вслед удалявшимся собакам, затем повернулся, взял мертвую гончую в зубы и поволок на гору. Оставшаяся раненая собака продолжала скулить. Когти пумы оставили глубокие раны в ее левом плече, а при падении она сломала правую переднюю ногу.

Таггарт и Казинс находились на другом берегу реки Зимец, когда увидели двух возвращавшихся собак.

— Что за... — пробормотал Таггарт.

Казинс спешился, подозвал гончих и взял их на привязь.

— Псы напуганы, Уолт. Что-то здесь не так.

— Еще как не так! По коням. Они приведут нас к остальным. Может, они просто разделились с Блу и Турком.

Двадцать минут спустя проводники нашли раненого Турка. Пока Таггарт осматривал пострадавшую собаку, Казинс внимательно изучал поле битвы. Он обнаружил свежие следы пумы и отметины, свидетельствовавшие о том, что огромная кошка волокла тело вожаки споры по земле.

Таггарт повернулся к напарнику

— Эта чертова кошка исполосовала Турку все плечо. И сломала ногу. А где же Блу?

— Блу погиб, Уолт. Его утащила кошка. — Он показал на склон, где высились нагромождения камней и бурелома. — Нам туда не забраться. Пошли назад.

Таггарт разразился проклятиями:

— Черта с два! Пойдем по следу. Собак поведем на поводке. Еще не все потеряно. Поймаем эту гадину.

— А как быть с Турком?

— Как быть? Пристрелить! Какой теперь от него толк? И что это за гончая, если подпустила к себе кошку?

Казинс, глядя на напарника, понимал, что его разум затуманил гнев: Таггарт любил своих собак.

— Держи себя в руках. Уолт! Турк — хороший пес. он старался как мог. Я не позволю его пристрелить. Преследуй один, если хочешь. А я отвезу Турка домой.

Таггарта не нужно было долго уговаривать. Слушая Казинса, он неосознанно гладил раненого пса по голове.

— Ладно, так и быть. Может, ты и прав.

Белый кугуар отдыхал на километровой высоте над речной долиной. Он уже полакомился гончей Таггарта и бросил объедки, даже не потрудившись завалить их чем-нибудь. Кугуар торопился покинуть эту территорию.

Спустя час после заката кугуар поднялся и продолжил путь на юг. В полночь под усыпанным звездами безоблачным небом он достиг Медвежьей реки. Здесь он остановился, чтобы утолить жажду, и вновь тронулся в путь.

Вдоль русла реки он дошел до перевала Телкуа и, спускаясь по противоположному склону, учуял оленя. Запах привел его к Молочной

реке, одному из многочисленных притоков, питающих реку Телкуа. День клонился к вечеру. Кугуар завалил олениху, поел и лег спать, не догадываясь, что всего лишь в двадцати пяти километрах к юго-западу в хижине однорукого охотника Таггарт и Казинс обсуждают планы дальнейших действий.

Вернувшись на базу на Муэскин-Джонни, Казинс занялся лечением Турка, а его напарник отправился с докладом к Беллу. Казинсу не потребовалось много времени, чтобы наложить шину на сломанную лапу собаки и обработать ее рваные раны.

Спустя два дня проводники вновь собрались на охоту за белой пумой. Прихватив с собой двух уцелевших гончих Таггарта, еще затемно они тронулись в путь по узкой тернистой тропинке, которая вела к озеру Макдоннелл.

После полудня они прибыли к тому месту, где пума убила Блу. Охотники спешили, стреножили коней и стали подниматься на гору. Впереди шел Казинс, ведя на поводке гончих.

Собаки всем своим поведением показывали, что они идут по остывшему следу, но двумя часами позже внезапно оживились. Заметив это, Казинс крикнул напарнику:

— Псы напали на свежий след, Уолт. Я пошел вперед.

— Черт побери, Стив. Подожди меня, — отозвался Таггарт, тяжело отдуваясь. Его лицо побагровело от напряжения.

Гончие рванулись вперед, к зарослям можжевельника. За низкими кустами валялись останки мертвого пса. Глянув на обглоданный труп, Казинс поспешил назад, стремясь оградить Таггарта от отвратительного зрелища.

Узнав, какая участь постигла его гончую, Таггарт громко выругался.

— Говорю тебе, Стив, я пристрелю эту кошку, — поклялся он. — И буду смотреть, как она подышает!

— Держу, пари, кошка перебралась к реке Телкуа, — предположил Казинс. — В снегах нечего жрать.

Заночевали охотники на озере Макдоннелл, но на рассвете покинули лагерь и к восьми часам утра прибыли к месту слияния рек Молочной и Телкуа.

В пятнадцати километрах от них, в пещере, спал белый кугуар. Он заснул на рассвете, но через четыре часа пробудился, потревоженный

лаем собак. Услышав отдаленные звуки, он с рычанием вскочил на ноги и бросился вверх по склону, направляясь на север, назад к перевалу Телкуа. Он намеревался держаться высокогорной местности, вне досягаемости людей и их собак, которые в погоне за ним вынуждены будут добираться до перевала более легким, но долгим путем.

После полудня кугуар нашел надежное пристанище на высоте шестисот метров над Лимонитной рекой. Из своего укрытия он мог контролировать западный подступ к перевалу, где спустя три часа появились всадники с собаками. Они обнаружили пещеру, в которой до их появления спал кугуар, но с тех пор не наткнулись ни на один свежий след.

Кугуар сидя наблюдал за преследователями. В нем воспламенилась ненависть — чувство, несвойственное животным. Обычно агрессивным он становился только тогда, когда голод гнал его на поиски добычи или возникала необходимость защитить свою территорию. Но люди, за которыми он наблюдал, лишили его семьи. Они раздражали его. Раздражали их псы и лошади. Это были его враги. Они научили его ненависти. И нажили себе опасного противника — сильного, гибкого, наделенного совершенными орудиями убийства.

Когда охотники прошли, белый кугуар двинулся за ними. Позже он проследил, где они разбили лагерь.

Глава 8

Прошло четыре часа с тех пор, как Таггарт и Казинс забрались в спальные мешки, но костер возле палатки еще тлел. Красные угольки отбрасывали мягкий теплый свет — единственное пятно на фоне черноты ночного леса. Лишь высоко над деревьями поблескивали бесчисленные звезды.

В течение последнего часа белый кугуар медленно спускался с горы. К полуночи он находился уже метрах в тридцати от оранжевой палатки, с подветренной стороны от гончих. Со своей позиции он держал под наблюдением весь лагерь — чуял собак и лошадей, слышал их. А также чуял и слышал Таггарта с Казинсом. Особенно отчетливо он улавливал храп однорукого охотника.

Убедившись, что ему ничто не угрожает, кугуар крадучись двинулся вперед. В шести метрах от палатки он опять остановился, выпрямил задние лапы и застыл на несколько секунд в боевой позе — неясная белая тень на фоне травы. И внезапно с грозным ревом прыгнул на палатку.

Брезентовый домик сплющился под тяжестью могучего тела, а потом, словно трамплин, отбросил зверя назад. Кугуар этого не ожидал, но быстро вскочил на ноги и уже собрался вновь ринуться в атаку, как вдруг услышал брань, прогремел выстрел. Кугуар в смятении кинулся к деревьям.

В палатке царил хаос. Когти пумы рассекли стенку с одной стороны и повредили три оттяжки, частично обвалив брезентовый домик. Столь внезапно разбуженные, охотники яростно забарахтались. Таггарт, пытаясь выкарабкаться из спального мешка, левой рукой наткнулся на ружье и задел курок. Казинс, все еще сидевший в спальном мешке, едва не оглох от выстрела. Пуля просвистела в паре сантиметров от него, чудом не зацепив плечо.

— Черт побери. Уолт! Идиот! Ты чуть не пристрелил меня!

Скоро Казинс нашел прореху, оставленную пумой, и выполз из палатки. Таггарт продолжал браниться и барахтаться. Ориентируясь на красноватые блески тлеющих угольев, Казинс дошел в темноте до костра и раздул огонь.

Отсвет пламени проник в палатку, и Таггарт наконец-то получил возможность оглядеться. По примеру напарника он выполз через прореху под открытое небо и, сжимая ружье, направился к костру, опасно озираясь по сторонам.

Казинс в это время зажег газовый фонарь. Вместе они вернулись к палатке и обследовали песчаную почву. Вскоре охотники обнаружили большие следы, оставленные белой пумой, а также места, где зверь подкарауливал их и откуда прыгнул на палатку.

— Боже Всемогущий, Стив! Эта кошка охотится за нами. — Таггарт понизил свой обычно зычный голос до шепота.

Казинс кивнул:

— Пожалуй, схожу за псами. Приведу их сюда, к костру. Все равно до рассвета мы ничего предпринять не сможем.

Внезапно ночную тьму пронзил жуткий протяжный рык. Таггарт, содрогнувшись, вскинул ружье на уровне пояса. Не говоря ни слова, охотники встали спиной к спине. Рык повторился. Гончие жалобно заскулили, расслышав в этом вопле исступленную ярость.

Наступила абсолютная тишина, столь неестественная для девственных просторов, наполненных приветливыми звуками — щебетом птиц, устраивающихся на ночлег, возней мышей и полевок, жужжанием насекомых. Теперь все они будто вымерли.

Страх парализовал охотников. Они не видели врага, затаившегося где-то в темноте вне досягаемости отблесков костра и света газового фонаря. На ночной арене ему не было соперников. Он мог неслышно подкрасться к ним с любой стороны. Они были перед ним беспомощны.

Никогда прежде охотникам не случалось оказываться в роли преследуемой добычи.

Излив свою ярость, белый кугуар поднялся на вершину Хаусон, спустился по восточному склону и вдоль русла Телкуа двинулся к озеру Берни.

На рассвете следующего дня он позавтракал крупным сурком и лег отдыхать в низине в верховьях реки Берни. Теперь он находился в десяти километрах от луга, где пасся второй табун Белла. Он впервые забрел в этот край и потому не знал, что на озере Берни стоит южный лагерь «Горного сафари», к которому в данный момент направлялись Таггарт с Казинсом.

Охотники оставались у костра, пока не забрезжил рассвет. По дороге к южному лагерю они условились не говорить никому о ночном инциденте, чтобы не надоумить других охотников пуститься по следу «людоеда». Они собирались сказать, что убийца лошади исчез.

Добравшись до охотничьего домика, они связались по рации с Беллом, сообщили ему свою версию, потом вернулись на базу, поскольку начинался сезон рыбной ловли. Через два дня прибыли первые «пилигримы».

Таггарту достался в клиенты промышленник из Западной Германии — низкорослый толстяк по имени Эрвин Хегель. Заядлый рыболов и охотник. Хегель вычитал рекламу «Горного сафари» в одном из немецких журналов и, будучи в Ванкувере по делам, решил заодно и порыбачить. Как клиент он не доставлял много хлопот и с интересом слушал хвастливые истории Таггарта. Рассказ о пуме, из-за которой тот потерял руку, его особенно заинтриговал.

Однажды утром, когда озерная форель из-за жары клевала плохо, покрасневший немец, вытирая потный лоб, попросил Таггарта отвести катер куда-нибудь в тенистое место, чтобы перекусить в прохладе.

Чуть раньше Хегель поймал полуторакилограммового черного окуня, и Таггарт, приткнув катер к тенистому берегу, предложил зажарить рыбу на костре. Пока обед готовился, мужчины баловали себя холодным пивом, а после беседовали, сидя на прибрежных камнях. Таггарт, разморенный жарой и пивом, невзначай ляпнул, что знает, где обитает белая пума.

— Белая пума? Я хочу ее поймать, — восторгнулся Хегель. Таггарт про себя выругался. Он не имел ни малейшего намерения обсуждать с клиентом редкую кошку.

— Видите ли, сэр, мы с напарником уже получили заказ от одного парня из Ванкувера.

— Сколько он вам предложил? Забудьте об этом. Я заплачу вам десять тысяч долларов, если приведете меня к ней. Договорились? По рукам?

Однорукий охотник притворился, будто размышляет над предложением клиента, но на самом деле он был потрясен. Хегель обещал заплатить вдвое больше, чем Джо.

— Хм, сделка, конечно, выгодная, но только не все так просто. Сначала ведь нужно выследить кошку, а уж потом стрелять. И поверьте мне, сэр, обнаружить эту тварь очень трудно. Да, еще одно! Когда мы две недели назад охотились за ней, она среди ночи напала на нашу палатку. Очень опасный зверь.

Хегель был непоколебим. Заметив это, Таггарт взял с него слово молчать о белой пуме.

— Иначе сюда наедут сотни других охотников.

Глаза Хегеля возбужденно блестели, но Таггарт не торопился давать окончательное согласие. Прежде он хотел связаться с Джо и выяснить, готов ли контрабандист расщедриться на сумму крупнее той, что намеревался заплатить Хегель.

— Вот что я вам скажу, мистер Хегель, — заявил он. — Я поговорю со Стивом, и, может, мы заключим с вами сделку.

В тот же вечер Таггарт с Казинсом обсудили предложение Хегеля и сообща решили дать Джо шанс увеличить выкуп за белую пуму,

хотя оба были уверены, что тот не уступит. В случае отказа Таггарт должен был сделать вид, будто идет на попятную, и подтвердить прежнюю договоренность о продаже шкуры и головы пумы за пять тысяч долларов. Тем не менее перед Хегелем брать конкретных обязательств они не будут, но, если тот выложит обещанную сумму, значит, ценный трофей достанется ему.

— Потом мы объясним Джо, что не смогли добыть кошку, а Хегелю повезло больше, — сказал Таггарт. — Тут уж Джо ничего не сможет поделать.

За день до отъезда Хегеля в Ванкувер Таггарт явился к Беллу в контору и сказал, что всю ночь не спал из-за дикой зубной боли. Белл поверил охотнику и распорядился самолетом доставить Таггарта в Смитерс к стоматологу.

Часом позже Таггарт уже был в городе. Он нашел стоматолога и запломбировал два коренных зуба, давно требовавших лечения, а после связался по телефону с Джо.

Как Таггарт и ожидал, торговец браконьерским товаром был непреклонен. Он сказал, что уже договорился перепродать выделанную шкуру с головой за восемь тысяч долларов.

— Не вздумай надуть меня, парень. Я всегда поступал с вами по справедливости. Мне нужна эта белая кошка!

Таггарт поспешил заверить торговца, что тот обязательно получит пуму за изначально условленную цену, если они ее выследят.

— Только ведь может случиться так, что нам не удастся пристрелить ее до начала охотничьего сезона. Тогда придется ждать зимы.

— Ладно. Только без шуток, Таггарт.

По возвращении на озеро Муэскин-Джонни Таггарт объявил немцу, что принимает его предложение, и Хегель на следующий день улетел в Ванкувер, планируя вернуться на «Горное сафари» во время охотничьего сезона. Вскоре после его отъезда один из проводников, обслуживавших лагерь на озере Берни, сообщил по рации, что пума загрызла еще одну лошадь. Таггарта и Казинса вновь послали выслеживать опасного зверя.

Таггарт купил двух новых гончих. Одна из них, сука по кличке Королева, слыла отличной охотницей на пум, она сразу же стала любимицей Таггарта.

Проводники покинули базу на Муэскин-Джонни на рассвете и, меньше чем за пять часов преодолев тридцать километров, добрались до озера Берни. Там они отыскивали останки загрызенной лошади и пустили собак по следу, направившему их на юг по берегу реки Берни.

Сразу же после полудня собаки заволновались. Королева с лаем стали рваться с привязи, один конец которой был прикреплен к седлу Таггарта. Казинс, ехавший за напарником, вел на поводу остальных гончих. Охотники перебрались через небольшой ручей и стали подниматься по крутому склону, усеянному каменными глыбами.

Белый кугуар затаился впереди, на каменном выступе в пятистах метрах от приближавшихся преследователей. Гранитный карниз возвышался метрах в шести над тропой, там, где она сужалась и круто уходила вниз.

Прошло десять минут. Охотники подъехали к месту засады. В нескольких метрах от кугуара вороной мерин Таггарта, очевидно почувствовав угрозу, захрапел.

Кугуар прыгнул. Издав яростный вопль, он взвился с каменного гребня — передние лапы вытянуты вперед, выпущенные когти торчат, словно черные серпы.

Конь Таггарта встал на дыбы. Тот, едва не вылетев из седла, попытался ухватить поводья, но промахнулся и закричал, увидев

прямо над собой разъяренное белое чудовище. Шарахнувшийся мерин спас всадника от грозных лап пумы, врезавшихся в круп лошади. При толчке Таггарта выбросило из седла, а его конь едва не рухнул с крутого откоса.

Промажнувшись, белый кугуар пролетел над лошадьёю и уверенно приземлился в шести метрах ниже по склону, затем метнулся в сторону и исчез в лесу.

Казинс выстрелил зверю вдогонку, надеясь испугать его, потом спешил к напарнику. Таггарт лежал распластавшись на спине. Он был без сознания; из рассеченного лба струилась кровь. Черный мерин возбужденно гарцевал рядом с неподвижным телом хозяина.

Казинс успокоил коня, затем взял флягу своего товарища и опустился на корточки рядом с ним. Он просунул руку Таггарту под голову и сбрызнул лицо водой.

— Очнись, Уолт. С тобой ничего страшного не произошло. Просто ушибся головой.

Таггарт открыл глаза.

— Как ты? — спросил его напарник.

— Нормально. Только голова раскалывается. — Таггарт сел. — Проклятая кошка! Опять подстерегла. Ты стрелял?

— Стрельнул разок, но так просто, чтобы напугать. Ее уже не было видно. — Казинс помог напарнику встать на ноги. Кровотечение не прекращалось, но рана была неопасная. Казинс достал из седельной сумки аптечку, смазал йодом порез и залепил его пластырем, затем занялся меринот Таггарта.

На крупе вороного кровоточили три длинные, но неглубокие царапины. Казинс обработал их, и спустя десять минут охотники верхом возвращались на базу.

На следующий день сразу же после обеда Белл вызвал Казинса к себе в контору.

— Как Уолт? — спросил он, едва Казинс переступил порог.

— Нормально. Голова немного побаливает, получил пару ушибов, но скоро поправится. Ему повезло. Чудом избежал когтей кошки!

— Ладно, — произнес Белл, поднимая голову. — А теперь скажи, что вам известно о белой пуме, которая предположительно обитает на нашей территории?

Казинс оторопел:

— Мне... э... немного. Но, думаю, я... мы... то есть мы с Уолтом знаем про нее.

— И как же так случилось, что я ничего не знал, пока мне не позвонил какой-то пронырливый журналист из Ванкувера?

Это известие потрясло Казинса.

— Черт побери, босс! Не знаю!

— Ну-ка давай выкладывай, что происходит. Мне сказали, что тот немец, которого сопровождал Уолт, напился на каком-то ужине в Ванкувере и стал хвастать, будто он собирается приехать сюда осенью на охоту за белой пумой. Он ляпнул это репортеру Тревору Бернсу, тому, что пишет для журнала «Охота в Британской Колумбии». Бернс связался по радио со мной, стал пытать про кошку, а заодно сообщил, что вы с Таггартом поведете Хегеля на охоту. Так что выкладывай!

Выбора у Казинса не было: пришлось поделиться информацией с хозяином «Горного сафари». Правда, он утаил про договоренности, заключенные с Джо и Хегелем, объяснив, что они с Таггартом не хотели распространяться про кошку из опасения привлечь в край других охотников до белой пумы. Белл поверил ему лишь отчасти.

— Что ж, теперь секрет выплыл наружу. Пума-альбинос привлечет сюда богатых любителей большой охоты со всех концов света!

Чуть позже на базу позвонил Бернс, и Белл подтвердил ему, что на запатентованной им территории действительно обитает белая пума. И эта пума, добавил он, напала на Таггарта.

— Это очень опасный зверь, — говорил Белл Бернсу. — Загрыз двух моих лошадей, убил лучшую гончую Таггарта и другую сильно поранил. Мы имеем полное право пристрелить его до наступления охотничьего сезона.

На самом деле Белл вовсе не намеревался убивать редкую пуму до начала сезона, понимая, что в этом случае растеряет половину клиентов, которые уже забронировали места. Но он надеялся, что его заявление попадет на первые полосы газет и журналов. И оказался прав. Едва Бернс предал огласке сенсационное известие, средства массовой информации принялись обсуждать его на все лады.

На озеро Муэскин-Джонни хлынули съемочные группы с телевидения, чтобы взять интервью у Таггарта, Казинса и Белла.

Однорукому охотнику нравилось быть героем дня, но оставаясь наедине с Казинсом, он не уставал пилить напарника за то, что тот проболтался Беллу про белую пуму.

— Ты все испортил! Теперь нам не видать десяти тысяч баксов, как своих ушей.

Казинс неизменно пожимал плечами.

— Еще не все потеряно. Как только газетчики отчалят, Белл пошлет нас искать кошку. Мы, естественно, пойдем. И если найдем, пристрелим. А Беллу скажем, что не нашли. Получим шкуру с головой и обтяпаем сделку с немцем.

Спустя неделю Белл послал Таггарта и Казинса на поиски белой пумы в район между озером Берни и пиком Хаусон. Они обнаружили только старый след, который привел их к тому месту, где кугуар бросился на Таггарта. Поэтому охотники решили обследовать земли, лежащие севернее.

Через три недели после отъезда с базы Таггарт и Казинс незадолго до полудня достигли озера Китсегуэкла. Настроение у обоих было подавленное, провизия на исходе. Почти в это же время над Муэскин-Джонни появился старенький одномоторный гидросамолет «аэронка». Он сделал над озером три круга, прежде чем коснулся водной глади.

Двухместный самолет остановился в сотне метров от берега. Из кабины выбрались мужчина и женщина. Они подгребли на самолете к пирсу Белла, где их встретил хозяин, решивший, что прибыли очередные репортеры.

— Привет! Добро пожаловать на «Горное сафари». — радостно крикнул он, простирая правую руку. — Я — Эндрю Белл, владелец предприятия.

Пилот выступил вперед и пожал протянутую руку.

— Дэвид Кару, — представился он и кивком показал на свою спутницу. — А это Хедер Лансинг.

Стройная загорелая брюнетка двадцати восьми-двадцати девяти лет пожала Беллу руку.

— Мистер Белл, я — президент Канадского общества охраны природы. Дэвид Кару — биолог и наш научный консультант. Мы хотели бы поговорить с вами о белой пуме.

Улыбка мгновенно слетела с лица Белла. Демонстративно игнорируя женщину, он повернулся к мужчине.

— А говорить не о чем, мистер. Да, где-то здесь рыскает белая кошка. Она загрызла нескольких лошадей, одну собаку, еще одну ранила и едва не убила моих проводников. Разумеется, мы намерены ее пристрелить.

Кару молчал. Белл понял, что ему придется обращаться к Лансинг. Он повернулся к женщине, сверля ее взглядом.

— В общем, ясно. Защитница природы и феминистка а одном флаконе. Ладно. Полагаю, вы слышали, что я сказал вашему телохранителю. Это все. А теперь убирайтесь. Вы нарушаете границы частных владений.

— Вы кое в чем ошибаетесь, — отвечала Лансинг. — Во-первых, доктор Кару — биолог, а не мой телохранитель. Во-вторых, мы не нарушаем границ частных владений. Эта земля принадлежит государству, и вы не вправе прогонять нас. В-третьих, поскольку я представилась вам, Дэвид абсолютно справедливо не стал потворствовать вашему оскорбительному желанию исключить меня из беседы.

Белл пришел в ярость:

— Послушайте, леди. У меня нет времени трепаться с вами. Выкладывайте, что вам нужно, и убирайтесь к чертям собачьим.

— Благодарю. Мы хотели бы заручиться вашей помощью в деле сохранения белой пумы. Это уникальное животное должно жить и передавать свои гены будущим поколениям.

Поставщик хищников в изумлении вытаращился на Лансинг.

— Вы что, спятили, леди? В моих владениях появилась уникальная кошка, и теперь ко мне валом валят клиенты. Я о таком и мечтать не мог. А у вас еще хватает наглости просить моей помощи в ее сохранении! Разворачивайте свой игрушечный самолет, и чтоб духу вашего здесь не было.

Лансинг не утратила самообладания.

— Мы улетим, мистер Белл. Но уверяю вас, мы с вами не прощаемся. Если вы убьете эту пуму, пеняйте на себя!

Не дожидаясь ответа, незваные гости повернулись и зашагали к самолету. Вскоре «аэронка» поднялась в воздух и взяла курс на Ванкувер.

Разгневанный Белл немедленно вызвал на базу Таггарта и Казинса и сообщил им о визите «борцов за природу». Охотники пополнили

запасы продовольствия и вновь отбыли, на этот раз с указанием не только найти белую пуму, но и определить места обитания всех пум, какие есть в регионе. У поставщика хищников созрела идея. Он решил позвонить в Управление охотничьего хозяйства и рыболовства и попросить, чтобы власти объявили открытие сезона охоты на всех пум. В этом случае у него появлялась возможность предложить своим лучшим клиентам устроить охоту на горных львов раньше времени. Гвоздем сезона, естественно, стала бы белая кошка.

Чиновников Белл уговорил без труда. Поставщики хищников пользовались в коридорах власти большим влиянием, ибо они обеспечивали работой жителей отдаленных районов и привлекали в край богатых охотников, которые тратили в провинции много денег.

Хедер Лансинг и Дэвид Кару тем временем организовали свою кампанию, призывая общественность встать на защиту белой пумы. Прежде Лансинг работала в крупном рекламном агентстве в Ванкувере. Составляя рекламные объявления и проспекты, она особенно не задумывалась о проблемах окружающей среды, но, когда по решению властей биологи принялись отстреливать с воздуха волков, она возмутилась преступным отношением к живой природе и вознамерилась изменить существующую систему. Она бросила работу и основала Канадское общество охраны природы.

За два года под знамена новой организации, которую Лансинг создавала практически в одиночку, встали более пяти тысяч человек. Лансинг работала, не жалея сил и времени, и умело привлекала внимание прессы к развернутой ею деятельности. Год назад к ней обратился Дэвид Кару, преподаватель биологии из Вашингтонского университета в Сиэтле. Он пожелал вступить в ряды КООП и предложил стать бесплатным научным консультантом, а также предоставил в распоряжение общества свой самолет «аэронка».

Лансинг и Кару дали пространное интервью журналистам по поводу досрочного открытия охотничьего сезона, а затем в штаб-квартире КООП, занимавшей две мрачные комнатухи, созвали заседание исполнительного комитета, чтобы выработать стратегию борьбы с охотниками, и сообща придумали план, который, как они надеялись, поможет им спасти белую пуму и убедить власти отменить свое решение.

Глава 9

Белый кугуар все дальше уходил на юг. Он пробирался по гористой местности, пока не спустился в болотистую низину между озером Макбрайд и рекой Нанайка. Здесь он прогостил несколько недель, а потом покинул долину с намерением вернуться к реке Зимец. Он шел не спеша и через шестнадцать дней был у реки Клор, вытекающей из реки Берни, и в десяти километрах к югу от реки Зимец.

Он прибыл к реке Клор после полудня на второй неделе июля. Мучимый зноем и кусачей мошкаррой, кугуар переплыл реку и стал взбираться по южному склону горы Пиллар, пока не поднялся на высоту тысяча двести метров, где еще сохранились нерастаявшие участки снега и куда не долетали насекомые. Он остановился и лег спать в укромном месте на кустах черники.

Пробудился он в восемь часов, когда оранжевый диск солнца опускался за пики Догз-Иэрз, гряде треугольных вершин, возвышавшихся на некотором удалении к юго-западу. Он потянулся, вытягивая лапы и выпуская когти, зевнул во всю пасть, поднялся и выгнулся, взмахнув хвостом. После он застыл, устремив взгляд вниз — словно выточенное из алебаstra изваяние, в ожидании, когда пылающее солнце спрячется за западными вершинами.

Едва девственную землю окутали сумерки, кугуар начал спускаться. Войдя в лес, он учуял оленя, которого и выследил спустя час у слияния рек Клор и Берни.

Эрвин Хегель, обливаясь потом на тридцатиградусной жаре, стоял у охотничьего домика на озере Берни. В руках он держал карабин «манлихер-шенауэр», заряженный пулями «магнум» со сверхвысокой начальной скоростью. Как только Таггарт и Казинс привели лошадей и гончих, охотники покинули лагерь.

Прошло три недели с тех пор, как было объявлено открытие охотничьего сезона, но проводникам «Горного сафари» за все это время так ни разу и не удалось обнаружить следов пум. Не везло и местным охотникам, которые, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, тоже вышли на промысел, что вызвало у Белла

немалую досаду. Еще больше раздражали его защитники природы, теперь свободно перемещавшиеся по его региону.

Дэвид Кару и Хедер Лансинг загрузили самолет провизией и снаряжением и полетели на маленький лесистый островок на озере Этна, где намеревались устроить базовый лагерь, из которого Лансинг могла бы осуществлять связь со штаб-квартирой КООП в Ванкувере и другими лагерями, а также предпринимать вылазки в районы, лежавшие южнее охотничьего домика Белла на озере Берни.

Оставив Лансинг устраиваться на островке, Кару отправился за двумя добровольными помощниками. Их он высадил в пяти километрах к югу от озера Берни. Последней он переправил Линду Делакруа, аспирантку-биолога, которая должна была составить компанию Лансинг на озере Этна.

От внимания Белла не укрылись частые визиты «аэронки» в воздушное пространство его владений, и он послал на разведку свой самолет. К тому времени, когда Кару доставил снаряжение в последний лагерь и возвратился на озеро Этна, поставщик хищников точно знал, где обосновались группы «противника». Он был взбешен, так как привык считать весь район собственной территорией, и задумал до открытия охотничьего сезона так или иначе избавиться от незваных гостей, которые в его представлении были правонарушителями.

Перед тем как Таггарт и Казинс повезли Хегеля на охоту, Белл вызвал к себе проводников и пообещал вылить каждому денежную премию, если им удастся «убедить эту феминистку и ее помощников покинуть мои владения».

— Вам ведь все равно, как мы это сделаем, босс? — осведомился Таггарт.

— Абсолютно. Только никого не убивать. И без свидетелей.

Хегель с проводниками находился всего в нескольких километрах к западу от озера Берни, когда над ними совсем низко пролетела «аэронка» Кару. Таггарт погрозил протезом приближавшемуся самолету, одновременно нащупывая левой рукой зачехленное ружье, выхватить которое он не успел, потому что «аэронка» вновь стала набирать высоту.

В самолете Лансинг склонилась к Кару:

— Тот громила пытался выхватить ружье, Дэвид. Я его сфотографировала. Если что, мы передадим снимок прессе. Это было великолепно!

Кару кивнул:

— Я заметил его движение. Правда, не думаю, чтобы он рискнул выстрелить, но испытывать судьбу не стал. Решил, что лучше подняться повыше, от греха подальше.

Они летели вдоль русла реки Берни, впервые совершая ознакомительное путешествие над регионом. Кару вел самолет на высоте сто пятьдесят метров. Если они различали внизу животных, он спускался ближе к земле, давая Лансинг возможность заснять их на видеокамеру.

Вскоре после того, как они миновали охотников, Лансинг, разглядывая в мощный бинокль долину, заметила, как вдалеке мелькнуло что-то белое.

— Дэвид! Я только что видела белую пуму, вон там, на том небольшом лугу! Кажется, возле болота. Видишь? Если чуть наклонить нос самолета, вид будет отличный.

Последовав совету своей спутницы, Кару увидел место слияния двух рек и ручья и между ними болотистую пойму.

— Болото вижу. Но белой пумы там нет.

— Уже нет. Зверь промчался со скоростью света. Кажется, в южную сторону побежал. — Разговаривая, Лансинг смотрела на карту. — Дэвид, видишь ту гору слева от тебя? На карте она обозначена как пик Хоуп. Пума ушла туда.

— Давай покружим. Может, повезет.

Кару повернул самолет сначала на восток, потом на юг. Когда они подлетели к горе, Лансинг увидела у подножия небольшой голый оползневый участок. Она навела бинокль и заметила движение, а спустя несколько секунд и пуму — восхитительно грациозный белоснежный силуэт, стрелой промчавшийся через осыпь к деревьям.

На этот раз Кару тоже увидел пуму. Животное скрылось за деревьями, а он все продолжал вглядываться в вечнозеленые заросли, надеясь еще раз узреть дивную кошку.

Лансинг осматривала местность. Когда стало ясно, что пума спряталась надежно, Лансинг повернулась к своему спутнику:

— Изумительный зверь, Дэвид. Красавец. Кару кивнул с улыбкой, потом сказал:

— Давай-ка подурочим ту компанию, что нам встретилась. Предлагаю развернуться, подлететь к пику Пиллар и покружить немного над горой и рекой. Как думаешь?

— Да, пожалуй. Они решат, что мы обнаружили пуму.

Через несколько минут самолет уже выписывал большие круги над рекой Клор, между горами Пиллар и Нимбус. Они уже собрались улетать, когда наконец появились охотники. Даже с расстояния в четыреста метров Кару различал, как Таггарт, ехавший впереди, прищипривает своего коня. Остальные торопливо скакали следом. Сомнений не было: охотники поверили, что пума бродит где-то в долине реки.

Словно изображая удивление, Кару включил мотор на полную мощность, поднял нос самолета и полетел на юг. Вскоре «аэронка» исчезла между пиками Хоуп и Догз-Иэрз. Таггарт вновь погрозил протезом вслед самолету. Лансинг в бинокль видела, как он хохочет и что-то кричит своим спутникам.

— Эти придурки только что сами вывели нас на кошку. — крикнул Таггарт, натягивая поводья. Лошадь под ним остановилась.

Казинс, ведя на привязи четырех гончих, подъехал к напарнику.

— Не знаю, Уолт. Собаки спокойны. Как будто кошки здесь нет и в помине.

— Здесь, конечно, нет. Самолет-то кружил чуть дальше, в полутора километрах отсюда, — ответил однорукий охотник.

Они повернули на запад. Через двадцать минут охотники приблизились к тому месту, где пума минувшей ночью убила оленя. Гончие с громким лаем стали рваться с привязи. Они учуяли запах кошки.

— В погоню! Отвяжи их, Стив. — скомандовал Таггарт. Хегель, скакавший вслед за Таггартом, вытащил свой карабин.

Казинс отвязал собак, и те бросились вперед. Спустя несколько минут они обнаружили обглоданного оленя. Потом ведущая гончая взяла след пумы и привела их к почти отвесной гранитной скале на северо-восточном склоне горы Нимбус. Пума с легкостью взобралась на скалу, но для собак препятствие оказалось непреодолимым. Таггарт начал браниться, Казинс слез с коня и привязал собак.

— Я так думаю, Уолт. Кошка поднялась здесь, повернула на северо-запад и сейчас находится где-то в районе горы Пиллар. Иначе зачем бы там стал кружить самолет?

— Проклятье. И то верно. Ладно, поехали.

Они взяли хороший темп, но через тринадцать километров гончие потеряли след. Густая стена елей, высившихся впереди на склоне, полностью заслоняла видимость.

— Так, — протянул Казинс, — или тот самолет одурачил нас, или кошка прячется где-то выше в горах.

Таггарт пожал плечами:

— Думаю, надо устраиваться на ночлег. А завтра, как только рассветет, повторим попытку.

Тем же вечером на закате Лансинг, Кару и Линда Делакура сидели у костра на острове посреди озера Этна. Пустив по ложному следу охотников, трое защитников природы теперь раздумывали, как им отыскать белую пуму.

— Пума ушла на юг, — убежденно сказала Лансинг, заваривая чай. — Скорей всего, к трем озерцам на юго-востоке от Догз-Иэрз. Вот, смотрите.

Она развернула карту и показала Кару с Делакура участок местности, до которого от Этны можно было добраться по низинам пешком.

— Отсюда километров пятнадцать. Дойдем за пять часов.

— Путь неблизкий, Хедер, — возразил Кару. — А самолет посадить там негде. Так что провизию, снаряжение, надувную палатку и рацию придется тащить на себе.

Лансинг глянула на биолога:

— Я пойду. Линда останется здесь и обеспечит координацию. Если мне что-то понадобится, сбросишь с самолета.

— Ладно, Хедер. Но я пойду с тобой. Помогу доставить груз и поставить палатку, а потом вернусь.

— Так туда же путь неблизкий, — уколола биолога Лансинг. — Ну хорошо. Если ты в состоянии прошагать за день тридцать километров, так и быть.

— Нет, не в состоянии. — смеясь, ответил Кару. — Если мы тронемся в путь завтра на рассвете, у озера будем сразу после обеда.

На обратном пути я переночую где-нибудь и вернусь сюда послезавтра рано утром. Договорились?

Лансинг согласно кивнула.

— Да, вот еще что, — сказала Делакруа. — Если верить прессе, эта пума — животное опасное. Вдруг она нападет на тебя, Хедер? Да и про гризли не забывай.

— Мне кажется, рассказам проводников не стоит так уж доверять. Как бы то ни было, у нас достаточно шутих и сигнальных ракет, чтобы отпугнуть медведей, пум и прочих зверей. Но я абсолютно убеждена, что белая пума не нападет, если мы будем вести себя мирно.

Утром следующего дня, на рассвете, Лансинг и Кару покинули островок на озере Этна. Кару нес большой парусиновый тюк со специальной кожаной обвязкой, которую он надел на лоб, чтобы равномерно распределить на спине тяжелый груз. Лансинг несла большой нейлоновый рюкзак в форме тубы.

И Лансинг, и Кару были привычны к физическим нагрузкам, но им давно не приходилось ходить на большие расстояния с тяжелой кладью, тем более что воздух быстро раскалялся. Оба взмокли от жары, пот заливал глаза. В половине одиннадцатого они сделали часовой привал, а после с новыми силами двинулись дальше и, несмотря на тяжелый груз, зной и трудный маршрут, довольно быстро добрались до намеченной цели.

На берегу самого южного озера Кару помог Лансинг разбить лагерь, потом наколот дров для костра и перекинул веревку через ветку высокого тополя, которая вполне могла выдержать мешок с продовольствием, но непременно обломилась бы под тяжестью барибала, если б тому вздумалось поживиться запасами Лансинг. Оказав необходимую помощь. Кару ушел.

Лансинг осталась одна. Сначала она прошла к двум другим озерам, а чуть позже поднялась на склон и с высоты шестисот метров обозрела в бинокль округу. В лагерь она вернулась на закате.

За ужином Лансинг не задумывалась о том, что ей может грозить опасность, но, когда долина погрузилась во тьму, она занервничала, пытаясь представить, что она будет делать, если ночью к ее лагерю невзначай забредет гризли. Медведь мог одним ударом лапы разодрать в клочья ее палатку.

Рисуя в воображении всевозможные ужасы, Лансинг осознала, что она на грани паники, и, полная решимости победить страх, встала, отвернулась от костра и глянула вверх. Усыпанное звездами иссиня-черное небо вселяло покой. Она с улыбкой повернулась к огню, засыпала пламя прибрежным песком и спустя десять минут уже спала в своей палатке.

Утром, наступление которого сопровождалось звонкой песней дрозда. Лансинг выбралась из спального мешка и с трудом поверила в свои ночные страхи. К ней вернулась былая уверенность, всем телом владело приятное возбуждение. Она ощущала глубокое родство с этим диким краем и больше не чувствовала одиночества. И главное — хотя она признавала, что это абсолютно нелепая, абсурдная мысль, — ей казалось, что природа принимает ее присутствие, что обитатели этого горного царства каким-то образом точно знают, кто она такая и зачем прибыла сюда. И белая пума тоже знает!

Напевая себе под нос, она искупалась в ледяной воде озера, оделась и заново развела костер, чтобы приготовить завтрак, потом стала собираться на поиски белой пумы — приготовила бинокль, видеокамеру, карту, компас, ракетницу и маленький топорик. Перед тем как уйти из лагеря, она связалась по рации с базой на Этне. Линда сообщила, что Кару тоже связывался с ней и должен прибыть через два часа.

Лансинг отнесла рацию в палатку и покинула место стоянки. Вскоре она достигла предгорий и начала взбираться по склонам Догз-Иэрз. Она планировала пройти под ледниковыми вершинами на высоте тысячи двухсот метров, где, согласно карте, между пиками Хоуп и Догз-Иэрз тянулось ущелье, спускавшееся в район, в котором последний раз была замечена белая пума.

В одиннадцать часов утра, изнывая от усталости, жары и жажды, она присела на мшистый камень, глотнула воды из фляги и глянула вниз. С того места, где она отдыхала, ущелье казалось очень узким и крутым. Дальше сомкнутыми рядами высились деревья, а за ними, километрах в пяти от себя, Лансинг увидела извилистую ленту реки Клор и на ее восточном берегу небольшой открытый участок.

Она начала спускаться. Высокие хвойные деревья росли так близко друг к другу, что их нижние ветви частично переплелись, и

Лансинг приходилось либо подлезать под них, либо прорубать себе дорогу топориком, отсекая колючие сучья.

Целый час она боролась с растительностью и наконец выбралась на пологий спуск, где каменные глыбы не позволяли деревьям тесниться рядом. Обходя большой гранитный валун, она случайно оступилась и, глянув на землю, увидела сначала следы кугуара, а потом и горку его экскрементов, довольно свежих, возможно оставленных здесь минувшей ночью. У Лансинг учащенно забилося сердце. — Неужели я отыскала его? — тихо воскликнула она.

Но не Лансинг отыскала белого кугуара. Это он нашел Хедер Лансинг. Кугуар узнал о присутствии человека на своей территории, когда Лансинг начала спускаться в ущелье. Он отдыхал в чаще леса и вдруг учуял приближение женщины. Кугуар поднял голову и принялся. Он различал каждый оттенок запаха, исходящего от нее, — ароматы зубной пасты, мыла, которым она умывалась утром, губной помады, дым костра, — и мгновенно установил ее пол по количеству гормонов на ее коже.

Для пумы букет запахов являлся таким же уникальным определителем личности, как отпечатки пальцев. По запаху Лансинг в какой-то степени напоминала ему Таггарта с Казинсом, но того одуряющего духа агрессивности и страха — смрада адреналина — зверь почти не улавливал. Лансинг была спокойна, в мире с собой и с окружающей средой, и потому ее организм не выделял вредных веществ. Ее запах не таил угрозы.

Кугуар поднялся и пошел на запах. Когда до гостьи оставалось меньше восьмисот метров, он услышал тихие звуки, которые она производила, идя по толстому ковру опавших иголок. Кугуар обошел ее стороной и стал взбираться на склон.

К тому времени, когда она остановилась возле его экскрементов, он уже находился в тридцати метрах от нее. Он увидел, как она, обнаружив его пахучую веху, пошла по его следам, и тоже тронулся с места, сопровождая ее невидимой тенью.

Лансинг брела медленно, время от времени останавливаясь, чтобы сфотографировать отметины, оставленные пумой на земле, и через полчаса добралась до каменистого участка, где следы терялись.

— Должно быть, он здесь спускался, — пробормотала она, оглядываясь по сторонам. Расстроенная, Лансинг на чем свет ругала

себя. Она оказалась никудышным следопытом. Со слезами на глазах она раздумывала, как быть дальше.

Кугуар неподвижно застыл в двадцати метрах от гостыи. Как ни странно, его белоснежная шуба сливалась с камнями и растительностью, окружавшими его. Голос Лансинг его заинтриговал. Он резко отличался от грубых интонаций Таггарта и Казинса.

Лансинг продолжала стоять на месте почти в такой же совершенной неподвижности, как и пума. К разочарованию примешивалась досада, потому что толкового плана придумать она не могла.

— Проклятье, проклятье, проклятье, — тихо твердила Лансинг. Она присела на ближайший камень. И вдруг громко рассмеялась.

Взрывные звуки испугнули кугуара. Он отпрыгнул в сторону. Лансинг краем глаза уловила в кустах движение и увидела пуму. На одно мгновение. Белый силуэт, затемненный растительностью, прикованный к ней взгляд янтарных глаз. В следующую секунду пума растворилась среди деревьев.

— Боже мой!

Лансинг словно приросла к камню. Округлившимися глазами она смотрела на то место, где только что стоял белый кугуар. Потом, объятая безграничной радостью, поднялась и начала взбираться по склону, следуя тем же путем, каким спускалась. Перед ее мысленным взором все всплывал силуэт величавого белого зверя, серебрившийся в лучах света, и его изучающий взгляд.

Таггарт, Казинс и Хегель искали белую пуму с рассвета. Они обследовали район к востоку от горы Пиллар, затем, перебравшись через реку Берни, и земли севернее пика Хоуп.

Наконец охотники натянули поводья, останавливая коней.

— Нет смысла вновь возвращаться к Клор, — заметил Казинс, скручивая сигарету. — Там мы его не найдем.

— Точно, — согласился Таггарт. — Эта чертова кошка будто на крыльях улетела.

Казинс закурил и улыбнулся напарнику:

— Знаешь, Уолт, а ведь это не исключено. Она ведь взбиралась по склону. Думаю, она прячется высоко в горах. — Он указал на гряде Догз-Иэрз.

— Пожалуй, ты прав, — отозвался Таггарт, угрюмо глядя в карту. — Однако это чертовски трудный подъем. К тому же придется продирааться через лес. Казинс кивнул. Он смотрел в свою карту.

— Верно, тропа там узкая. Давай с утраца на лошадях заберемся в горы сколько сможем, а дальше пойдем пешком.

Вернувшись в свой маленький лагерь, Лансинг связалась по радиации с базой на озере Этна и сообщила Кару о встрече с белой пумой.

— Я пока остаюсь здесь, Дэвид. Он появится снова. Прием.

— В таком случае тебе нужно пополнить запасы провизии. — Кару помолчал. — Знаешь озеро к югу от пика Пэт? Прием.

— Да, Дэвид. Оно обозначено на моей карте. Прием.

— Хорошо. Завтра в семь утра я оставлю для тебя провиант на северном краю озера. А ты заберешь его оттуда.

Затем Кару предложил план, сказав, что он будет кружить на высоте над тем районом, где она встретила пуму, и, если заметит охотников, спустится ниже.

— Я знаю, рация тяжелая. Хедер, — добавил он. — Но отныне — без нее ни шагу. Прием.

Лансинг стала протестовать, но Кару был неумолим.

— Послушай, ты ведь там совсем одна. Мы очень за тебя тревожимся. Если кошка не набросилась на тебя сегодня, это вовсе не значит, что она и в другой раз воздержится. И не забывай про тех парней. Что, если они наткнутся на тебя? Нет, Хедер. Без радиации ни шагу. Прием.

Лансинг неохотно согласилась. В ту ночь, засыпая, она думала о белой пуме.

Через несколько часов после того, как она погрузилась в сон, белый кугуар вышел из леса и воззрился на маленькую палатку, одновременно внюхиваясь в запахи, витавшие над поляной на берегу озера. Некоторые из них ассоциировались у него с охотниками, особенно едкий смрад костра и вонь кожаных ботинок женщины. Но ароматы тела Лансинг по-прежнему разжигали в нем любопытство.

Кугуар не испытывал ненависти к существу, столь внезапно появившемуся на его территории. Напротив, оно вызывало у него интерес. Приближаясь к палатке, он слышал глубокое ровное дыхание, свидетельствующее о том, что его гостя мирно спит. Недалеко от входа он остановился и заурчал.

Лансинг проснулась. Не понимая, что разбудило ее, она села в спальном мешке. Шуршание ткани испугнуло кугуара. Он метнулся к лесу и затерялся в деревьях. Лансинг решила, что ее покой потревожил проشمыгнувший мимо грызун. И она вновь заснула.

Глава 10

Будильник разбудил Лансинг в четыре часа утра, когда заря окрасила в розовый цвет восточные пики. Она оделась, выпила воды и пристегнула к ремню на поясе сумку с сухим пайком — сухофруктами, семечками и орехами. Повесив на шею фотоаппарат и бинокль, она приготовилась покинуть лагерь. Тут она заметила следы пумы. Большие отпечатки лап, тянувшиеся по прямой от леса к ее палатке.

— Невероятно! — выдохнула она. — Он был здесь ночью.

Это открытие мгновенно изменило ее планы. Провизия подождет, решила Лансинг. Сейчас главное — найти пуму. Она вызвала по рации базу. Ей ответила Делакура.

— Сегодня я не пойду за посылкой, Линда. Он приходил ночью, пока я спала. Я видела следы у самой палатки. Прием.

На связь вышел Кару:

— Не продолжай. Хедер! Я вылетаю на поиски. Свяжусь с тобой позже. Прием.

Лансинг сразу поняла свою оплошность. Всем было известно, что служащие «Горного сафари» ходят с рациями. Кто-нибудь из них мог перехватить их разговор.

Лансинг плохо представляла, с чего начинать поиски. Она положила в сумку рацию и, подумав, сунула туда же пакет с молотым красным перцем. Ей говорили, что собаки, вдохнув перец, теряют чутье. Значит, если охотники выйдут на нее, она будет посыпать им землю.

Взяв старт от костра, Лансинг пошла по следу пумы, но через некоторое время потеряла его в лесу. Два часа она терпеливо обследовала лесную почву, но потом сдалась. Раздосадованная, потная, искусанная мошкаррой, она села на камень и подкрепилась сухим пайком, пытаясь размышлять как пума. В конце концов она решила идти к ущелью.

Через полчаса она добралась до места, где деревья образовывали непроходимую чащу. Лансинг остановилась и вдруг увидела проход. Накануне она его не заметила. Звериная тропа тянулась в западном направлении и имела достаточно высокий свод. Лансинг могла идти по

ней не пригибаясь. Она свернула и проход, который вскоре вывел ее на пологий склон.

Она прошагала в гору двести метров, когда наконец увидела, что густая стена елей и сосен редет, сменяясь осинами, березами и ольхой, а под ногами зарослями низкорослых растений и папоротника. По этому «газону» она дошла до горного ручья с быстрым течением. Весь его берег был усеян камнями.

Стремясь рассмотреть противоположный берег, Лансинг залезла на большой валун и собралась было поднести к глазам бинокль, как вдруг заметила возле деревьев, примерно в сотне метров от воды, насыпь из лесного мусора, которым — сомнений не возникало — кугуар завалил свою добычу.

Лансинг стала разглядывать в бинокль песчаный берег и мгновенно узрела следы пумы. Изучая их рисунок, она вскоре смогла составить представление о поведении животного. Должно быть, хищник прятался в кустах, когда его жертва шла на водопой к ручью. Отчетливо были видны следы борьбы.

Ручей в этом месте разливался в ширину на пять метров. Лансинг срубила молодое деревце, сделала из него прочную палку и опустила ее в воду, нащупывая дно. В метре от берега глубина ручья достигала всего лишь десятка сантиметров. Она ступила в холодную воду и, опираясь на палку, чтобы не упасть, пошла наперерез стремнине. На середине ручья студеная вода доходила ей до бедер. Выбиралась она на песчаный берег с ощущением, будто брела в ледяной реке целый час. К счастью, висевшее высоко над головой солнце прогрело воздух до двадцати пяти-тридцати градусов. Лансинг сняла ботинки с носками и джинсы, разложила их сушиться на кустах, а сама стала фотографировать поле боя.

Следы начинались ниже по течению ручья и заканчивались у места засады. Причем кугуар, поднимаясь вверх, все время держался песчаного берега. Лансинг прошла около километра по следу и вернулась, чтобы одеться, так как не выдержала атак кусачей мошкары, липнувшей к голым частям тела.

Вновь при полном снаряжении она продолжала фотографировать, постепенно приближаясь к заваленной добыче. Отводя затвор фотоаппарата, Лансинг вдруг услышала тихое рычание. В испуге Лансинг вскинула голову. И увидела его! Белый кугуар стоял на

вершине нависавшей прямо над ней гранитной скалы. Она видела его голову, грудь, огромные бархатные лапы. Из приоткрытой пасти торчали большие клыки цвета слоновой кости.

Она глядела в раскосые желтые глаза, от изумления не испытывая ни страха, ни волнения. Кугуар вновь зарычал. Он предупреждал, чтобы она не подходила к его добыче!

Лансинг медленно попятилась. Когда она отступила на пять шагов, кугуар закрыл пасть. Он по-прежнему не сводил с нее глаз, но его поведение изменилось. Он больше не демонстрировал агрессию.

Казалось, им владеет любопытство.

Лансинг, с запозданием вспомнив про фотоаппарат, навела объектив на белого кугуара, стоявшего в обрамлении хвойной растительности, и щелкнула затвором. Зверь слегка вздрогнул, но, спокойствия не утратил.

Дрожавшими от волнения руками она заменила штатный объектив на телеобъектив и сделала еще два снимка, потом села на камень, отложила в сторону фотоаппарат и стала смотреть на белую пуму. Зверь несколько секунд наблюдал за ней, затем грациозно опустился на скалу. Его передние лапы свесились с гранитного карниза; не сводя взгляда с женщины, он положил на них свою крупную голову.

Лансинг едва верила своим глазам. Поддавшись внутреннему порыву, она начала говорить с белым кугуаром, наделяя его нежными эпитетами, обращаясь к нему ласково, как к ребенку. Зверь наострил уши и поднял голову, глядя на нее напряженным, пронизывающим взглядом.

— Ты просто чудо. Красавец. Самое восхитительное существо на свете. Я обожаю тебя.

Белая пума в ответ зевнула, широко раскрыв розовую пасть и выгнув язык; могучие клыки сверкнули на солнце. Звучно захлопнув пасть, зверь заурчал, почти как домашняя кошка, только гораздо громче. Лансинг слышала его отчетливо.

Она заплакала от радости. Слезы струились по ее щекам, но она продолжала говорить севшим от волнения голосом.

Внезапно кугуар затих и устремил взгляд в ущелье, потом с невероятной быстротой вскочил на ноги и метнулся в горы, мгновенно скрывшись из виду.

Лансинг насторожилась. Она глянула в ущелье, но ничего необычного не заметила. Через минуту до нее донеслись слабые отголоски собачьего лая.

— Так вот что его вспугнуло! — воскликнула она.

Лансинг взглянула на часы. Половина второго. Кару уже был в воздухе и, она надеялась, где-нибудь поблизости. Она вытащила из сумки рацию, включила ее и вышла на связь. Ей ответила Делакура. Кару кружил над озером Китсегуэкла, вне зоны действия ее рации.

— Свяжись с ним. Линда. Я совсем рядом с объектом, но по ущелью движется группа охотников. — Лансинг назвала свои координаты и торопливо зашагала вниз по склону вдоль цепочки следов, оставленных белой пумой во время охоты. Через двадцать минут она добралась до того места на песчаном берегу, где следы кончались. Здесь она извлекла из сумки красный перец и тем же путем пошла назад, посыпая отпечатки лап острой пряностью. Затем она устроилась на гранитном карнизе в десяти метрах к югу от заваленной лесным мусором добычи пумы. С выбранной ею позиции хорошо просматривался ручей. Лансинг вновь включила рацию. Кару отозвался после второго вызова. Судя по плохой слышимости, он находился далеко от нее.

— Хедер, я только что покинул район озера Китсегуэкла. Буду около тебя через двадцать минут. Что случилось? Прием.

— В ущелье появились охотники. Они идут по его следу. Полагаю, теперь нет смысла изъясняться загадками. Я посыпала следы перцем. Скоро ожидаю реакции. Прием.

— Не нравится мне все это. Хедер. Оставь рацию на приеме. Буду вызывать тебя каждые несколько минут, чтобы охотники не подумали, будто ты одна. Они взбесятся от твоей выходки. Конец связи.

Едва въехав в ущелье, охотники вынуждены были спешиться и привязать лошадей. Казинс пошел впереди. Через три километра он остановился, понимая, что Хегелю с Таггартом требуется передышка.

Однорукий охотник и немец сразу же сели, а Казинс, свернув самокрутку, закурил и поднялся чуть дальше по тропе. Через двести метров перед ним выросла густая стена хвойного леса, в которой он заметил проход, сделанный Лансинг. Он немедля возвратился к своим спутникам.

— Кто-то был здесь. Там в деревьях прорублен проход.

— Проклятье! — прорычал Таггарт, вскакивая на ноги. — Может, это те защитники природы. Пошли.

Пятнадцать минут спустя охотники уже пробирались через густые заросли. Неожиданно собаки громко залаяли и стали рваться с привязи, носами тыкаясь в землю.

— Есть, — вскричал Таггарт. — Собаки учуяли его.

Он спустил гончих, и те мгновенно скрылись из виду. Через восемьсот метров они выбежали к ручью и звонко залаяли, предупреждая, что обнаружили свежий след. Охотники ускорили шаг.

Хегель и Таггарт, ступив в ледяную воду, заохали, но Казинс быстро перебрался на противоположный берег и крикнул своим замешкавшимся спутникам:

— Поторопитесь. Собаки напали на свежий след. Внезапно лай собак стих.

— Что происходит, Стив? — окликнул напарника Таггарт. — Впервые слышу, чтобы собаки так неожиданно замолкали, идя по хорошему следу.

Казинс не знал ответа. Покинув спутников, он затрусил вверх по склону с карабином в руке. Через двести метров он остановился, чтобы перевести дух, и вдруг уловил странные звуки. Гончие жалобно скулили. Встревоженный, он ускорил шаг. Поскуливание переросло в вой. Казинс наконец выскочил на песчаный берег.

Четыре гончие катались по земле, лапами скребя морды и носами зарываясь в песок. Было ни то, что им очень больно. Казинс бросился к собакам, с трудом заставил одну задрать морду. Глаза гончей слезились, из носа текло. Он отпустил ее и поймал другую. Те же самые симптомы.

Хватая вожака своры, который, казалось, мучился больше остальных, Казинс заметил впереди один из нетронутых следов пумы. Отпечаток был засыпан красной пудрой. Казинс низко нагнулся к нему и принюхался. В носу немедленно появилось жжение. Он несколько раз чихнул, потом облизнул палец, макнул его в пудру и лизнул.

Казинс не был поваром, но красный перец на вкус пробовал.

— Черт возьми, как эта гадость попала в следы? — пробормотал он в замешательстве.

Снизу донеслись тяжелые шаги Таггарта и Хегеля. В это же время он слышал отдаленный рокот самолета.

— Ага, вот в чем дело! Любители природы постарались!

Казинс продолжал бежать в гору по следам. Все отпечатки лап пумы были посыпаны красным перцем. Он пришел в ярость. Гончие, он знал, скоро успокоятся, но нюх у них восстановится только через несколько часов.

Со злости он отвел затвор и дослал патрон в патронник, не потрудившись поставить ружье на предохранитель. Чего прежде никогда не забывал делать.

Лансинг, сидя на каменном возвышении, слышала, как охотник карабкается по склону. Услышав лязг отведенного затвора, она встревожилась и хотела уже вызвать Кару, но передумала. Она не позволит себя запугать, решила Лансинг. Сохраняя спокойствие, она ждала.

Запыхавшийся Казинс выбрался на открытый участок. Лансинг сидела сверху, но он ее не заметил. Все его внимание было приковано к насыпи из лесного мусора, под которым лежали останки недоеденного оленя. Выругавшись, он направился к заваленной добыче пумы. В это время из рации Лансинг затрещал голос Кару.

Казинс вздрогнул и задрал голову. Увидев Лансинг, он шагнул назад и оступился. Ружье выскользнуло у него из рук, ударилось о ближайший камень и выстрелило.

Пуля обожгла правое бедро Лансинг.

Она вскрикнула и переключила рацию в режим передачи.

— Дэвид, я ранена! — сообщила она, хватаясь за ногу.

— Рана серьезная? Прием, — спросил Кару.

— Кажется, нет. Но боль ужасная. Пуля попала в бедро. Прием.

— Хедер, только не волнуйся. Возьми в аптечке бинт и наложи повязку. Линда вызовет вертолет. Приём.

Лансинг осторожно ощупала рану. На джинсах расплзлось кровавое пятно, но пуля, очевидно, повредила только мягкие ткани. Она сказала Кару, что вертолет не понадобится, поскольку рана неопасная. Затем она отключила рацию и обратилась к Казинсу:

— Ты же подстрелил меня, идиот! Чего стоишь как вкопанный? Иди сюда, помоги.

Проводник поднял голову, глядя на нее.

— Черт побери, леди! Я же нечаянно. Вы ведь знаете, что это произошло случайно. И потом, с какой стати вы вмешиваетесь в нашу

охоту?

Лансинг рылась в сумке, ища аптечку.

— Теперь забудь об этом. Поднимайся сюда!

Казинс начал неуверенно взбираться к ней. Сделал один шаг. Другой. Вдруг откуда-то сверху, из-за спины Лансинг, раздался густой грозный рык. и почти в ту же секунду в воздух взвилась белая пума.

Казинс замер на месте, подняв голову. Снизу пума казалась громадной. Проводник разглядел огромные черные когти, нацеленные на него, в тот момент, когда пума пролетала над женщиной.

Когда белый живот зверя промелькнул над головой Лансинг, она инстинктивно отреагировала: «Нет! Не делай этого!»

Возможно, кугуара смутил неожиданно пронзительный возглас женщины или же умный зверь верно истолковал значение ее слов, но он приземлился около своей жертвы. В трех метрах от замороженного Казинса кугуар на долю секунды припал к земле и, оттолкнувшись задними ногами, вновь прыгнул.

— Нет! — опять закричала Лансинг.

Тело пумы чуть сместилось в полете. Вместо того чтобы нанести Казинсу смертельный удар, хищник лишь сбил его сильным толчком в правое плечо. Затем он приземлился и перемахнул через ручей. Зверь оглянулся на Лансинг и исчез в деревьях.

От мощного толчка девяностокilограммового зверя, врезавшегося в него на большой скорости, Казинса подбросило в воздух и отшвырнуло в ручей. Он плюхнулся спиной в воду, вздыбив фонтан брызг, и забарахтался, пытаясь подняться.

В этот момент появился Таггарт. При звуке выстрела он встревожился и, оставив Хегеля с чихавшими собаками, поспешил вверх по ущелью. Теперь, тяжело дыша, он уставился на бултыхавшегося в воде напарника.

— Черт побери, ты что делаешь, Стив? Ты, что ли, стрелял?

Казинс не ответил. Он был потрясен, его лицо покрывала мертвенная бледность. Он знал, что мгновение назад встретился со смертью, но плохо понимал, как остался жив.

— Да. — подала голос Лансинг. — Стрелял ваш приятель. И мишенью была я. Этот человек ранил меня!

Таггарт обернулся и вытаращился на Лансинг потом вновь перевел взгляд на напарника, как раз подобравшегося к берегу.

— Ты стрелял в эту женщину?

Казинс, все еще не в себе, теперь поспешил оправдаться:

— Случайно вышло. Я оступился, ружье выскользнуло из руки и выстрелило. Я не хотел причинить ей вреда.

Таггарт хранил молчание. По-прежнему отдуваясь, он уставился на Лансинг.

— Это вы засыпали перцем следы кошки и вывели из строя моих собак?

— Да, я, — ответила она. — И впредь буду посыпать, пока вы не прекратите охотиться на пум.

Таггарт зарычал не хуже зверя. С полминуты он безмолвствовал, потом мотнул головой, словно выходя из оцепенения, и посмотрел на Лансинг.

— На вашем месте я поубавил бы гонору, леди. В наших краях случается, что люди просто исчезают без следа.

— Даже не думай, Уолт! Попытаешься что-нибудь ей сделать, будешь иметь дело со мной.

Мокрый с головы до ног, Казинс стал карабкаться к Лансинг. Плечо нещадно болело, но он стремился заглядить вину перед женщиной. Он проявил беспечность. Поставь он ружье на предохранитель, оно не разрядилась бы от удара о камень. Наконец Казинс добрался до карниза, на котором сидела Лансинг, и вытащил из ножен охотничий нож.

— Послушайте, мам, мне придется разрезать вашу штанину, чтобы забинтовать рану. Не возражаете?

Лансинг кивнула. Ее удивляло, что охотник столь внезапно изменил свое отношение к ней. Несколько минут назад он готов был уничтожить ее, а теперь в его голосе слышалось сочувствие. Казалось, он искренне сожалеет, что она пострадала по его вине.

Казинс оттянул джинсовую ткань и разрезал штанину от дырки, проделанной пулей, до щиколотки. Лансинг поморщилась от боли в раненой ноге.

Казинс пробормотал извинения, затем добавил:

— Пожалуйста, приподнимите ногу, я осматриваю рану.

Когда Лансинг шевельнула ногой, кровотечение усилилось. Казинс взял ее аптечку, смочил в перекиси водорода ватный тампон и обработал рану, останавливая кровь.

— У вас просто царапина. Зашивать не придется. — Говоря это, он положил на рану стерильный марлевый тампон, а сверху сделал ватную подушечку и закрепил повязку лейкопластырем, затем взглянул на Лансинг. — Сможете встать?

— Да, — ответила она. — Спасибо за помощь. Казинс наградил ее улыбкой, а улыбался он редко.

— Я в долгу перед вами. В большом долгу! Вряд ли когда-нибудь расплачусь! Я помогу вам подняться.

Но Лансинг сама встала с камня без особых усилий. Спустя мгновение она уже разминала ногу. Рана ныла, но она была уверена, что сумеет добраться до лагеря.

Проводник, порывшись во вместительных карманах своих армейских брюк, извлек маленькую плоскую баночку, в которой лежали нитки с иглой.

— Портной я не ахти, но, если вы не станете дергаться, я попробую заметать разрезанную штанину. Полагаю, так будет лучше. Иначе мошкара сожрет. — Он помолчал. — Кстати, моя фамилия — Казинс. мэ. Стив Казинс.

В ответ Лансинг чуть изогнула губы в улыбке.

Таггарт все это время стоял молча. Теперь он вдруг сообразил, что понятия не имеет, как Казинс угодил в ручей. Но выяснить ничего не успел, так как внизу появился Хегель с четырьмя несчастными гончими.

Непривычный к таким нагрузкам, немец раскраснелся от долгой ходьбы по горам. Ко всему прочему его мучил страх. Поведение собак, выстрел, а теперь еще и круживший над ними самолет — все это было чревато серьезными неприятностями. Охотой он уже был сыт по горло. Он совсем иначе представлял себе процесс выслеживания белой пумы.

Подойдя ближе, Хегель оторопел. На его глазах Казинс зачем-то зашивал джинсы на какой-то женщине. Суций бред! Он повернулся к Таггарту и от раздражения перешел на немецкий язык.

— Was machen Sie? Э-э, я хотел спросить, что здесь происходит? Кто эта женщина? И что случилось с собаками?

— Я и сам толком не понимаю, мистер Хегель. — Таггарт сердито глянул на Лансинг и Казинса. — Может быть. Стив объяснит нам, когда кончит суетиться.

Воцарившуюся тишину нарушил рокот «аэронки», потом засигналила рация Лансинг. Она включила ее и произнесла:

— Я на связи, Дэвид. Прием.

— Хедер, скажи, ради Бога, что там у тебя? Прием.

— В данный момент мистер Казинс помогает мне. Рана оказалась несерьезной. Он наложил мне повязку. Я вполне способна стоять и Ходить. Боль тоже терпеть можно. Прием.

— Понятно, а дальше что? Как сообщить об инциденте? Это был несчастный случай или нападение? Прием.

Казинс, как раз срезавший хвостик нитки со штанины чуть ниже колена Лансинг, взглянул на пострадавшую.

— Я же не стрелял в вас. Вы ведь не станете навлекать на меня неприятности?

Лансинг покачала головой

— Пуля задела меня случайно, Дэвид. Вообще, никуда не сообщай об этом инциденте, хорошо? Прием.

— Ладно. Как скажешь. Прием.

Казинс улыбнулся Лансинг, кивком выражая благодарность.

— Дэвид, — обратилась Лансинг к Кару. — До лагеря я дойду сама. А ты сажай самолет на озере Пэт-Пик и потом шагай ко мне. Прием.

— Так и поступлю. Когда ты доберешься до лагеря, я уже буду там. Ты уверена, что сумеешь дойти сама? Прием.

Казинс не дал Лансинг ответить. Он нагнулся к рации и заговорил:

— Мистер, на связи Стив Казинс. Это от моего ружья пострадала леди. Вы не беспокойтесь, я обязательно доведу ее до лагеря. Прием.

Кару едва успел отключиться, как Таггарт набросился на своего партнера.

— Идиот! Придурок! — орал он. — Сама дотащится.

— Остынь, Уолт! — спокойно произнес Казинс. Сверля однорукого охотника немилосердно холодным взглядом, бездушным, как гранит, он спрыгнул с каменного карниза. — У меня были бы большие неприятности с законом, если бы эта женщина захотела солгать. Но она не стала лгать. И к тому же сказала пилоту, чтобы вообще не заявлял об инциденте. Так что если ей нужна помощь, она получит ее от меня.

Таггарт никогда не слышал от Казинса такой длинной речи. Но гораздо сильнее потряс его взгляд напарника.

— Ладно, ладно. Стив. Делай, как знаешь.

— Вот что я вам скажу, — вмешался Хегель. — Я возвращаюсь на Муэскин-Джонни. С меня достаточно. Наохотился.

Таггарт улыбнулся. Теперь у него появился шанс самому убить пуму и продать ее Джо.

— Да, конечно, мы вас понимаем. Только ведь босс не вернет вам деньги. Знаете, да? Немец кивнул.

Таггарт повернулся к Казинсу:

— А теперь объясни, каким образом ты оказался на заднице в этом ручье?

Казинс поднял голову. В лице Лансинг он прочел опасение. Посмотрев на нее многозначительно в надежде, что она поймет его немой сигнал, он ответил:

— Я споткнулся и завалился спиной в ручей. При этом выронил ружье, а оно разрядилось. Я по глупости забыл поставить его на предохранитель.

Таггарт разразился зычным хохотом.

— Ну и ну! Вот уж ребята посмеются. Это ж надо! Казинс запутался в собственных ногах, свалился в ручей и подстрелил защитницу природы. Черт побери, ну ты даешь!

Лансинг с полнейшим изумлением во взоре смотрела на Казинса. Он солгал. Почему? — задавалась она вопросом.

Глава 11

Они поднимались по ущелью. Лансинг опиралась на трость из срубленной ветки, которую сделал для нее Казинс. Почти у самого гребня Лансинг остановилась. Ей не хватало дыхания. Казинс, шагавший в нескольких метрах впереди, обернулся.

— Вы хорошо себя чувствуете, мэм?

— Да, только устала немного.

— Конечно. — отозвался проводник. — Должен сказать вам, мэм, вы очень мужественная женщина.

Лансинг улыбнулась. Этот охотник по-прежнему вызывал у нее недоумение. Отдышавшись, она спросила:

— Почему ты скрыл от своего напарника, что на тебя напала белая пума, которая и сбросила тебя в ручей?

Казинс смущенно отвел взгляд. Он стоял прислонившись спиной к дереву.

— И сам толком не знаю, мэм. Когда я увидел, что он летит на меня, увидел эти огромные лапы и эти черные когти, подумал: все, мне конец. — Казинс скрутил сигарету, закурил и выпустил облачко дыма. — Но когда вы закричали на него во второй раз, клянусь, мэм, я точно видел, как он развернулся в сторону от меня. Будто понял, что вы ему крикнули. А после, когда появился Уолт... даже не знаю... я подумал... э-э... наверно, я решил, что все-таки нельзя убивать ту кошку.

Лансинг удивленно взглянула на охотника. Тот смотрел в пространство, будто стыдился того, что признался в собственной слабости.

— Ничего не понимаю. Он мог бы убить меня, но не убил. Ну, надо же. Я и представить не мог, что зверь способен соображать. И уж никогда не думал, что он способен понимать человеческую речь. Просто голова идет кругом, мэм.

Больше Казинс не сказал ни слова. Лансинг отдохнула, и они снова тронулись в путь. Оба молчали.

В лагерь они прибыли, как раз когда солнце заходило за западные Пики. Лансинг, усталая и измученная болью, немедленно забралась в палатку и легла. Казинс принялся разводить костер.

Работая, охотник размышлял о белой пуме. Он всю жизнь прожил в этих краях и никогда не испытывал сожаления, убивая диких животных. Но сейчас, неожиданно для себя самого, он понял, что это животное заинтриговало его.

Час спустя, возвращаясь в лагерь с большим бревном на плече, Казинс все еще пытался уразуметь, в действительности ли пума подчинилась приказу женщины. Не догадываясь о том, что Лансинг наблюдает за ним, Казинс дошел до палатки, сбросил на землю бревно и выпрямился.

— Если бы он ударил меня лапами, — громко бормотал охотник, — он бы мне шею свернул, это как пить дать.

— Что ж, Стив, я, например, очень рада, что ты не пострадал. Казинс, пунцовый от смущения, развернулся. Вид, как у нашкодившего мальчишки, отметила про себя Лансинг.

— Э... вы вроде как напугали меня, мэм.

Лансинг не успела ответить, как раздался голос Кару. Секундой позже он вышел из лесу с большим вьюком на спине.

— Рада тебя видеть, Дэвид, — сказала Лансинг, обнимая биолога. — И провизии тоже рада!

Первые делом Кару извлек из вьюка флакон с таблетками.

— Пенициллин, — объяснил он Лансинг. — Прими одну таблетку прямо сейчас. — Затем биолог вытащил нейлоновую надувную палатку на два спальных места и обратился к Казинсу: — Я не был уверен, что застану вас здесь, но теперь не жалею, что взял с собой крышу на двоих.

После ужина они сели у костра. Кару сообщили из Ванкувера, что в защиту белой пумы выступили сразу несколько общественных организаций, в Министерство по природным ресурсам потоком идут звонки и письма. Правительство вот-вот отменит свое решение о досрочном открытии охотничьего сезона.

Казинс выслушал эту новость в молчании. Спустя некоторое время он сказал:

— Думаю, Белла жадность обуяла. Он на животных большие деньги делает. Будет какая-нибудь польза, если я выступлю перед вашим обществом и расскажу о том, что происходит здесь? Как отслеживают зверей с воздуха и используют двухстороннюю радиосвязь, чтобы вывести охотников к добыче. И все такое.

Лансинг и Кару удивленно переглянулись.

— Польза будет большая, Стив, — заверила охотника Лансинг. — И ты выступишь?

— Да, выступлю, — не сразу ответил Казинс. — Я много думал с тех пор, как та пума бросилась на меня. Ей ведь ничего не стоило убить меня. Но, когда вы закричали, клянусь, он вас послушался. Вы спасли мне жизнь. Но это еще не все. Я считаю, что убивать животных за деньги и нянчиться с пилигримами, которые едут сюда на охоту со всех концов света... в общем, думаю, это не по-божески.

Кару с трудом верилось, чтобы прожженный охотник в одночасье сменил свои убеждения. Но он ничего не сказал.

— На что же ты будешь жить, Стив, если откажешься от места проводника? — тихо спросила Лансинг.

— Не знаю. мэм. — пожал плечами Казинс. — Может, подамся на лесозаготовки. Наймусь водителем грузовика. Но на охоту водить больше никого не буду.

У костра на несколько минут воцарилось молчание. Потом Лансинг рассказала о своей встрече с пумой, о том, как они мирно любовались друг другом.

— Пока не залаяли собаки, он просто лежал там, спокойный, невозмутимый, и смотрел на меня. Он был великолепен. И настроен абсолютно благожелательно.

— Что ж, — промолвил Кару, — как биолог должен заметить, что кугуар вел себя, мягко говоря, необычно. Но еще более удивительно то, что он находился поблизости от тебя, когда появился Казинс...

— Поблизости! — воскликнул охотник, перебивая Кару. — Шутите? Да ведь этот зверь взвился из-за камня, который стоял, может быть, метрах в пяти за спиной у этой леди. Мне кажется, он и остался из-за нес. Будто охранял свою супругу. Простите, мэм, но это так.

Кару был склонен согласиться с Казинсом. Судя по всему, белый кугуар, по одному ему известным мотивам, соизволил вступить в контакт с Хедер Лансинг, распознав в ней женщину.

— Ладно, Стив, теперь твоя очередь. И, прошу тебя, расскажи все как есть. Ты и твой напарник утверждали, что пума напала на вашу палатку и что эта белая кошка или ей подобная растерзала одну из ваших гончих и покалечила другую. Это все было на самом деле?

— Конечно, было! Даже не сомневайтесь. И это все проделки того самого белого самца.

— Тебе часто приходилось иметь дело с пумами. У тебя в этом большой опыт, верно? Так вот скажи, тебе случалось прежде встречать такую пуму, которая нападала бы на охотников или убивала собак?

— Нет. Никогда. И мы не знаем ни одной другой кошки, которая отказалась бы лезть на дерево.

— И как ты объясняешь поведение этого самца?

— Никак. Он особенный, вот и все.

На базе Муэскин-Джонни разгневанный Белл призвал к себе в контору Таггарта. Владелец «Горного сафари» уже отправил Хегеля самолетом в Смитерс и теперь выпытывал информацию у одноруко-го проводника о событиях предыдущего дня.

Их разговор прервал диспетчер, и поставщик хищников удалился в комнату радиосвязи. Ему звонил старший чиновник из Управления ОХОТничьего хозяйства и рыболовства.

— Я вынужден сообщить вам, мистер Белл, что Министерство по природным ресурсам пересмотрело свое решение о досрочном открытии сезона охоты на пум. Отныне в отношении охоты на этих животных действуют стандартные правила. Мы также аннулировали лицензию на дополнительные территории, которые были предоставлены в ваше пользование на временной основе.

— Что-о? А как же охотничьи ломики, которые я там построил? А затраты?

— Говоря по чести, мы не имели права давать вам разрешение на расширение ваших владений. Правительство готово полностью возместить все понесенные вами затраты. Пришлите своего адвоката, и мы обсудим с ним этот вопрос. Мы также желали бы обсудить несколько вопросов лично с вами. Не могли бы вы прилететь к нам в Викторию?

— Еще как могу! Прямо завтра утром и прилечу.

— Отлично. Мы будем ждать вас, скажем, в десять тридцать. Белл решительным шагом вернулся в кабинет, где Таггарт в ожидании него дымил сигаретой, и ударил кулаком по столу.

— Так, Таггарт, ну-ка просвети меня, что вы еще с Казинсом натворили, черт бы вас побрал?

— Натворили, босс? Ничего. С тем толстым немцем нянчились, как полагается.

— Тогда почему эти пижоны из Виктории аннулировали свое решение о досрочном открытии сезона и отобрали у меня лицензию на новые земли?

Однорукий проводник, доселе сидевший, вскочил. Он был потрясен не меньше Белла.

— Не знаю, босс! Честно, не знаю.

Белл, которого, казалось, вот-вот хватит удар, вновь грохнул кулаком об стол.

— Завтра утром я лечу в Викторию. Там и выясню. Они гробят мой бизнес! А Казинс где, черт бы его побрал?

— Не знаю. Последний раз, когда я говорил с ним, он собирался провожать ту феминистку до ее лагеря. Я рывкнул на нее, так он еще и на меня набросился. Вы же знаете, какой он бывает. Я спорить не стал.

— Не знаю. Последний раз, когда я говорил с ним, он собирался провожать ту феминистку до ее лагеря. Я рывкнул на нее, так он еще и на меня набросился. Вы же знаете, какой он бывает. Я спорить не стал.

— Ладно, найди Джека Кента. Скажи, пусть заводит «сесну».

Вдвоем полетите искать ее лагерь. Вернешься, седлай коня и езжай посмотри, в чем там дело. Видать, защитники природы что-то задумали. Может, хоть Стив знает.

Перед обедом, когда Кару измерял следы, оставленные пумой на некотором удалении от палатки, к нему подошел Казинс.

— Палатки легко заметить с воздуха. Я не удивлюсь, если Белл вышлет самолет на поиски нашего лагеря. Думаю, лучше перебраться в лес.

— А зачем ему нас искать, Стив?

— Вы не знаете Белла. Он не любит, когда ему встают поперек дороги. Да и Уолт, наверно, бесится. Может, ничего и не случится, но нужно быть готовым к неожиданностям.

Кару выпрямился и хлопнул Казинса по плечу:

— Вот теперь я знаю, что ты на нашей стороне, Стив. Извини, но до пой минуты я все еще сомневался, можно ли тебе доверять.

Из палатки вышла Лансинг. Она услышала последнюю фразу Кару и крикнула сердито:

— Дэвид! Я поверила Стиву с той самой минуты, как он защитил меня от Таггарта. Стив с нами!

Казинс улыбнулся:

— Все нормально, мэм. Это же естественно, что мистер Кару поначалу отнесся ко мне с опаской. Я все понимаю и не в обиде.

— Да, Хедер права, Стив. Извини.

— Кстати, раз уж мы взялись выяснять отношения, давайте сразу решим: никаких мистеров и мэм, — предложила Лансинг. — Я — Хедер, он — Дэвид.

Через час лагерь был перенесен в лес, а все следы пребывания людей на берегу озера уничтожены. Сразу же после обеда до них донеслось приглушенное гудение самолета. Казинс подбежал к опушке и посмотрел в небо. Вскоре появилась «сессна» Белла. Самолет сделал над озером три круга и полетел на юг. Казинс вернулся к остальным и доложил:

— Держу пари, самолетом управляет Джек Кент, а Уолт сидит рядом.

— Они полетели на юг, значит, моя «аэронка» будет обнаружена, — сделал вывод Кару. — Сейчас почти два. Пора выходить на связь с Линдой. Думаю, следует рассказать ей про наши дела.

Кару вызвал по рации Делакруа, и та захлеб сообщила ему последние новости. Из штаб-квартиры КООП ей сообщили, что решение о досрочном открытии сезона на пум отменено и Белла лишили лицензии на использование дополнительных территорий.

— Белая пума стала знаменитостью, — продолжала Линда. — В Ванкувере тысячи людей вышли на демонстрацию. Мы победили! Ой, на радостях чуть не забыла. Дэвид, с тобой хочет поговорить доктор Джон Лайтфут. Он сказал, это очень важно. Просит вас с Хедер прилететь в Викторию. Прием.

Кару обещал выйти на связь через пятнадцать минут:

— Хочу сначала все обсудить с Хедер. Конец связи.

Казинс оставил их наедине, сославшись на то, что нужно набрать хвороста, и Кару с Лансинг теперь спокойно беседовали, советуясь, стоит ли просить охотника, чтобы он взял на себя роль охранника белой пумы. Эта идея возникла у Кару накануне вечером, когда он решил добиваться гранта на изучение редкого зверя.

— Как ты понимаешь, исследования в полевых условиях длятся недолго. Если грант предоставят, значит, я проведу здесь полтора-два месяца в конце лета и осенью и месяц или около того зимой. А здесь нужен постоянный человек, который будет охранять пуму круглый год.

Лансинг сразу одобрила идею Кару.

— А кто такой доктор Лайтфут. Дэвид? И почему он желает нас видеть?

— Он биолог. Работает в Управлении охотничьего хозяйства и рыболовства. Думаю, это как-то связано с белой пумой, но нам в любом случае не следует отказываться от встречи.

Они сидели молча некоторое время, потом Лансинг спросила:

— Думаешь, тебе удастся раздобыть средства на зарплату для охранника пумы. Дэвид?

— Полагаю, что да. Ведь это уникальный шанс. Тогда мы сможем заняться изучением первой белой пумы, появившейся в Британской Колумбии. Вопрос в другом. Согласится ли Стив, если я изыщу средства?

— А ты спроси его, Дэвид. Вон он идет.

Предложение Кару озадачило проводника. Прошло несколько минут, прежде чем он ответил:

— Пожалуй, я возьмусь за это дело. Если сумею договориться с Уолтом.

— О чем договориться? — осведомился Кару.

— Ну, вы же знаете, мы с Уолтом давно работаем вместе. Он ужасно вспыльчивый сукин сын. да и деньги любит. Но. как бы то ни было, мы напарники. Я намерен поговорить с ним и взять с него слово, что он не станет охотиться за кошкой. Мне не хотелось бы драться с Уолтом, если я застукаю его с поличным. Есть еще одно дело, о котором я хочу поговорить с Уолтом. И с вами тоже.

— Какое дело?

— Меня это гложет с тех самых пор, как я познакомился с вами. Может, когда я расскажу, вы откажетесь нанимать меня. Но я все равно расскажу

И Казинс признался, как они с Таггартом занимались браконьерством и прошлым и в последнее время, добывая органы животных для Джо. Он поведал в подробностях, как они связывались с Джо, как потом присылали за трофеями самолет. Не утаил и тот факт,

что Джо обещал заплатить им пять тысяч долларов за шкуру и голову белой пумы.

Лансинг с Кару выслушали охотника в полном молчании. Наконец Лансинг встала, подошла к Казинсу и неожиданно поцеловала

Казинс покраснел и отпрянул, таращась на нее как на сумасшедшую.

— Э... хм... Зачем вы это сделали, мэм?

— Потому что ты хороший человек.

Кару подошел к проводнику и пожал ему руку.

— Я согласен с Хедер. Стив. Нужно обладать немалым мужеством, чтобы сознаться в том, что рассказал нам ты. Но еще больше мужества потребуется, чтобы уладить эту проблему. Мы ведь должны заявить о Джо и его организации. Ты это понимаешь?

Казинс понимал, но решительно настаивал, чтобы имя Таггарта не упоминалось:

— На Уолта я доносить не стану. А так расскажу, что знаю.

Приехав в Викторию, Хедер Лансинг, Дэвид Кару и Стивен Казинс отправились на встречу с главным биологом Управления охотничьего хозяйства и рыболовства доктором Джоном Лайтфутотом. В кабинете у Лайтфута они просовещались более часа, когда раздался стук в дверь. Лайтфут поднялся, впуская еще одного посетителя.

Вошедшим оказался высокий, чуть сутуловатый мужчина пятидесяти пяти лет с густой проседью в некогда черных волосах. Он возглавлял в Управлении отдел по борьбе с правонарушениями. Чарли Морган был убежденным поборником охраны природы и из-за этого часто конфликтовал с начальством.

— Так зачем ты меня вызвал, Джон? — обратился Морган к хозяину кабинета.

— По двум причинам, — отвечал главный биолог. — Первая касается вопросов правоохранительной деятельности, об этом я скажу позже. Вторая — гораздо серьезнее. — Он глянул в блокнот. — В том регионе происходит нечто такое, что должно заинтересовать твой отдел, Чарли. Но эту информацию я получил от мистера Казинса. Он согласен доверить ее тебе, но только на определенных условиях.

— Я не сторонник сделок, — сказал Морган, — Особенно когда не знаю, какие законы были нарушены.

Лайтфут посмотрел на Казинса. Охотник кивнул:

— Ладно. Я пообещал мистеру Казинсу, что не буду злоупотреблять его доверием, но он уполномочил меня передать тебе, что нам предстоит подвергнуть судебному преследованию не одного, скажем так. правонарушителя, а разоблачить целую организацию, занимающуюся экспортом органов животных в международном масштабе, в которую он тоже был вовлечен. Руководят этой организацией американцы.

Морган, сидя на стуле, подался вперед:

— Я слышал про эту организацию. Руководство осуществляется из штата Вашингтон. Американские власти поставили меня в известность несколько месяцев назад. Но они не знают, кто руководит операцией и откуда конкретно. По этой причине, наряду с прочими озеро Берни, который служил ему одновременно кровом и базой. Таггарт помог бывшему напарнику перебраться на новое место. Это событие сопровождалось громким скандалом, ибо Белл был возмущен «предательством» Казинса. В итоге он просто лишил Таггарта жалованья за время, потраченное на оказание помощи приятелю.

Как только Казинс устроился на озере Берни, к нему прилетели Кару, Лансинг и Делакура. Их встретили оба охотника. Гости привезли с собой продукты, чтобы отметить новоселье, но перед началом торжества Кару собрал всех. Он намеревался не откладывая заняться изучением белой пумы, но его кое-что тревожило. Во-первых, он боялся, что запахи Казинса и лошадей спровоцируют белого кугуара совершить нападение на них и на тех, кто будет находиться рядом, за исключением, очевидно, Лансинг. Во-вторых, он не мог сообразить, каким образом они будут определять границы местообитания пумы. Использование «аэронки» не представлялось возможным, потому что белая пума, заслышав рокот мотора, скорей всего, поспешит спрятаться.

— Выслеживать его с собаками тоже нельзя. Он наверняка перебьет всех.

— Так и быть, одолжу вам свою Сюзи, — вмешался Таггарт. — Только с поводка ее не спускайте. У Сюзи отличный нюх, а без толку она никогда не лает. Если и лает, то только в своре. Одна, да на поводке, она будет просто идти по следу.

— А что, хорошая идея, — одобрил Кару. — И тебе не жалко расстаться со своей гончей, Уолт?

— Раз сказал, значит, одолжу. Стиву с ней будет сподручнее. Я помогаю ему, а не вам.

— Что ж, вполне справедливо, — отметил Кару. Откровенность однорукого охотника пришлась ему по душе.

— А вдруг пума попытается убить Сюзи? — предположила Лансинг.

— Не думаю. — возразил Кару. — Пока он нападал только на собак, которые гнались за ним. Если мы не будем его раздражать, вряд ли он проявит агрессивность.

Наконец было решено лошадей оставлять в конюшне и выслеживать пуму, как это ни трудно, только с помощью одной собаки. Кару по необходимости будет перебрасывать Казинса на самолете в район, где в последний раз была замечена пума, и оттуда они продолжат поиски пешком.

Все согласились. Такой план казался вполне осуществимым. Напоследок Кару внес еще одно предложение:

— Хедер, если мы со Стивом одолжим тебе по рубашке, не согласилась бы ты поносить их пару деньков и потом вернуть нам не стирая? И носки тоже?

Таггарт с Казинсом недоуменно смотрели на Кару. Неужто он умом тронулся? Но Лансинг сразу сообразила:

— Конечно. Ваши вещи пропитаются моим запахом, и вы будете в них выслеживать пуму, верно?

— Именно так, — подтвердил Кару.

Казинс одобрительно улыбнулся, но, когда Лансинг посоветовала, чтобы он и Кару также сбрызгивали себя ее духами и дезодорантом, охотник наотрез отказался. В итоге Лансинг предложила компромисс. Казинс чуть надушит ее духами свою шляпу и обработает гончую ее дезодорантом.

Оставшуюся часть лета Кару провел в горной глуши, собирая материал о белом кугуаре: исследовал территорию его обитания, изучал его рацион и отношения с другими животными, особенно с хищниками. Ему помогли Казинс и Лансинг, которая решила пока не возвращаться в Ванкувер. Придуманый Кару трюк с вещами себя оправдал. Они трижды встречали белого кугуара, и тот ни разу не выказал агрессивности, хотя они подходили к нему довольно близко.

Вскоре стало ясно, что мужчин белый кугуар просто терпит на своей территории, но к Лансинг, как и прежде, проявляет особый интерес. Когда бы она ни осталась одна в том районе, где было замечено много свежих следов, он неизменно приближался к ней. К середине августа было уже несколько случаев, когда она сидела буквально в десяти шагах от него. Кугуар всегда демонстрировал спокойствие, оглашая округу громким, но мирным урчанием, похожим на рокот мотора.

В начале сентября Лансинг готовилась покинуть горную глушь; лагерь нужно было демонтировать. Кару улетел в Ванкувер, забрав С собой часть припасов и снаряжения. По возвращении он застал Лансинг в крайнем возбуждении.

— Дэвид. — закричала она, едва он ступил на берег. — Ни в жизнь не догадаешься! Вчера я сидела возле палатки, любуясь закатом, и вдруг заметила движение на противоположном берегу. Я не поверила своим глазам, Дэвид. Из кустов вышла пума-самка, а за ней — три котенка. И, Дэвид, представляешь? Один котенок был совершенно белый! У кугуара родился детеныш, сын или дочь, совсем такой же, как он сам.